

A man with grey hair, wearing a dark blue judge's robe over a white shirt and grey tie, sits at a desk. He is looking directly at the camera with a serious expression. On the desk in front of him are several stacks of Euro banknotes. The background is a wood-paneled wall.

**Григорий
СИМАНОВИЧ**

**ПРОДАЖНЫЕ
ТВАРМ**

**Детектив
о судьбе
и шлюхе**

Григорий Симанович

Продажные твари

«Автор»

2011

Симанович Г.

Продажные твари / Г. Симанович — «Автор», 2011

Остросюжетный детектив с приметами жанра эротического триллера. Две основные сюжетные линии непредсказуемо сходятся к финалу. Первая связана с личностью продажного федерального судьи в одном из крупных городов России. Его многолетние усилия по накоплению денег с целью покинуть страну внезапно осложняются загадочным, изуверским убийством юриста Анатолия Миклачева, который долгие годы помогал ему тайно обогащаться за счет неправосудных приговоров. Вторая линия – следствие по делу об этом убийстве и столь же загадочных убийствах коллег Миклачева, сотрудников его юридической фирмы. Талантливый эксперт-аналитик следственного управления Марьяна Залеская и сыщик Паша Суздаев выходят на след преступника, но мотивы абсолютно не ясны. Они еще не знают, что вступили в «незримый бой» с одним из опаснейших убийц на территории России. Параллельное тайное расследование ведет и человек, действующий в интересах судьи. Читателей ждет шокирующая и драматичная развязка.

© Симанович Г., 2011

© Автор, 2011

Григорий Симанович

Продажные твари

Председателя Левобережного районного суда города Славянска Олега Олеговича Дымкова били двое. Один, худощавый и жилистый, работал по ногам. Другой, бугай, лупил по спине. Время от времени, синхронно, словно по сигналу, оба плотно прижимали дубовые веники к телу и удерживали секунд десять, от чего изнуренный Дымков издавал протяжный предсмертный стон.

Пытка нечеловеческим удовольствием длилась, с учетом здоровья и возраста, аккуратно десять отмеренных корифеями банного дела минут. Затем ему помогли подняться и швырнули во мраморную купель с обжигающе холодной водой, где Олег Олегович исторг устрашающий вопль банного оргазма, а за ним пять-шесть повизгиваний и похрюкиваний, в переводе с банного диалекта означавших «Ну, бля, кайф полный!».

Потом было пиво запотевшее «Карлсберг» – как всегда, под раков. Кудесник Пашка Руденко, хозяин бани, лично готовил этих членистоногих так, что каждая растаявшая во рту шейка, каждая высосанная со свистом клешня поддерживали ощущение неостывающего банно-гастрономического восторга и довольства жизнью, каковой она в этих ощущениях заслуженно дана.

Далее – полноценный ужин с ледяной водочкой, нежной белугой и всяческой дичью, настрелянной и приготовленной специально для этого стола Пашкиными людьми. Да под соусок пряный, да под хренок с лимончиком...

Эх, тут бы апофеоз! На десерт, бывало, Пашка подавал на мягкой широкой кушетке во второй комнате отдыха пару неизведанных, молодых да ранних телочек. Они довершали путешествие Олега Олеговича в райские кущи, одаривая ласками и страстями со всем артистичным неистовством добросовестных профессионалок.

Но то было прежде. Давно было. Забыть! Того и гляди отследят. Никакого риска. Даже в бане у Пашки, проверенного годами. Времена не те. Да и ставка слишком высока. Ибо цель близка, мечта заветная – вот она, у порога. Ради нее судья Дымков довольствовался традиционной банной процедурой. И домой.

Там она. Сидит в кресле у телевизора или за книгой. Перечитывает любимую свою Шарлотту Бронте в какой уж раз. И ждет его. Слава богу, не одна. Слава богу, скрывать, что держит домработницу, не надо. Пошли они все... Лерочка сейчас одна не может. Диабет, сердце, ходит трудно, одышливо. Все чаще пользуется палочкой.

Лерка... В пятьдесят один год – какую стала девочка его, красавица, хохотушка! Остро-словка, чистая душа, умница и при этом порою ошарашивающе, по-детски наивная и просто-душная. Лерка... Дивная любовница и кулинарка, объект внимания всех мужиков, кто хоть раз побывал в ее компании в те студенческие невозвратные годы... Не получилось родить один раз, второй, а потом поздно стало – диабет, стенокардия, одутловатость, и нет уже той девочки. Одни глаза синие остались, но не разучились смеяться так, что сердце, как прежде, заходится от нежности и терпкой жалости к ней, к себе, к их рано перекосившейся, обедневшей на события и на друзей жизни.

Девочки в бане раз в две недели? Были грехи. Да велики ли? Что поделаешь с мужским, естественным? Разве позволял он себе раньше, прежде, когда, не замечая нарастающие годы и преодолевая, казалось бы, неизбежную пресыщенность, они любили друг друга неутолимо и свежо, предаваясь фантазиям и растворяясь в ласках до изнеможение.

Итак, скромная «дэу нексия» везла охваченное полуобморочной истомою тело Олега Олеговича домой, в загородный дачный поселок Ручейки, а душа следовала за ним на почти-

тельном расстоянии, норовя упорхнуть от машины в сторону, туда, за горизонт, где желтевшая нива стлалась под оседающие облака.

Олегу Олеговичу Дымкову шел пятьдесят девятый год. Последние десять лет он трудился в районном суде Славянска, одного из крупнейших областных центров нашей с вами необъятной родины. Причем вот уже семь лет, как председательствовал.

Карьеру блистательной не назовешь, но неудавшейся – тоже.

Конечно, не Олимп! Над ним, в верхних слоях атмосферы, парил облсуд с его председателем, а также Верховный суд, его президиум, его коллегия, в том числе квалификационная, его кассация, не говоря уж о суде Конституционном, о Страсбурге и, наконец, о высших внесудебных инстанциях, коих одно перечисление приводит в уныние любого правоохранителя даже областного масштаба. Парил над ним и Господь Бог, но в этом Дымков не слишком был уверен, а потому старался про Него не думать.

Но и под ним, Дымковым Олегом Олеговичем, кое-что было. А именно – судьбы многих отдельно взятых людей. Он их вершил на своем уровне, в своей инстанции. А это ответственность. Он проникся ею, будучи еще сравнительно молодым, пребывая в статусе простого народного судьи в крупном, почти на сто тысяч жителей, но все равно захолустном Козловском районе Славянской области,

А еще говорят: своя ноша не тянет. Ох как тянет! Порой лет на пять– семь с конфискацией и отлучением от профессии...

Но зато как приятно отягчала ноша сия карман – оттягивала! Как уютно располагалась она в тайничке за шкафом, в продолбленной нише между ящичками письменного стола, а позже, когда умнее и осторожнее стал, а денег сильно прибавилось, – в подвале загородного домика в поселке Ручейки.

Тайник соорудил Олег Олегович, как ему представлялось, очень хитро. Глубоко в стене, почти у земли. А проникнуть в него можно было только снизу, прокопав с полметра и палкой с крюком, просунутой до упора, сдвинув пластиковое днище. Нет, конечно, если засветиться и попасть под раздачу – экскаватором все снесут, разроют. Или, не дай бог, пожар, например. Но такие варианты Дымков не рассматривал, чтобы душу себе не травить. В любом случае надежнее способа хранения он не придумал. Все остальное непременно предполагает чье-то еще знание о сбережениях. Это исключается. А тут... Когда надо, не поленился, прокопал, сдвинул днище, замаскировал, как было, и дальше копишь.

Осторожность. И еще раз осторожность.

Что там говорить, не на облаке жил и вершил правосудие бывший милиционер Дымков! Но дал он себе однажды зарок и следовал ему неуклонно. А зарок такой: держаться закона, поелику возможно. Точнее, делать вид, что держишься, когда на тебя вышестоящий давит.

Еще в Козловске испробовал. Уперся рогом на просьбу председателя Нуриева Салбека Салбековича дать условно ворюге одному. Председатель сперва деликатно, потом жестче, потом с намеком на областное давление, потом – на отстежку. А Дымков ни в какую. Так и ответил шепотом на шепот в руководящем кабинете: не брал и брать не буду, сужу по кодексу.

Разобрал дело, прикинул – можно и условно, не так уж много и украл, по верхней всего два года общего режима. Хотя, по справедливости, год бы этому хмырю в лагере не помешал. И «выполнил» просьбу.

Нуриев вызывал, руку жал, глазом подмигивал, завтра вечерком, шептал, зайди, мол, доля причитается. Дымков еще раз сказал как отрезал: никогда, ни за что. Закон – и все тут, а мне ничего не надо.

Против системы не попрешь, обламывает всех, и все в конце концов берут. Но можно так, а можно и хитрее. И нужно хитрее: Нуриев в депутаты ушел, крупно взял, да не у того. И сел. Вот так...

Осторожность, еще раз осторожность...

Этот принцип поведения неколебимо соблюдал Дымков с тех еще, первых дел, с которых стал получать мзду от благодарных истцов или ответчиков. Да только не от них, конечно – Боже, спаси! И не от родственников их или знакомых. Вообще, неведомо было Олегу Олеговичу, от кого персонально, то есть кто «заносил». Вот уж добрых двенадцать лет, как возложил он эту деликатнейшую миссию на одного и только одного человека – Миклуху. Так прозвал Дымков верного своего «оруженосца», посредника и инкассатора Миклачева Анатолия Зотовича, Толяна Миклачева, которому париться бы и поныне в далеком Усть-Забуранском лагере, когда б не вердикт Олега Олеговича: «...два года условно, освободить в зале суда».

Был у Дымкова еще один верный и очень влиятельный человек, обязанный ему жизнью. Звали его Гриня те, с кем дела делал и корешился. Это было имя и, в то же время, кличка, прозвище. Поскольку фамилия его подлинная была Гришаев. А может, и не подлинная. Наверняка про это знал только он сам и еще Дымков Олег Олегович, в 1970 году молодой, совсем еще молодой опер, комсомолец, заочник юрфака СГУ. Аккурат в канун своего двадцатилетия этот стажер Козловского РУВД во время вечернего дежурства погнался за подозрительным парнем, догнал, прижал к стенке ржавого гаража, наставив на него лишь на днях выданное табельное оружие. Не опуская ствола, приказал повернуться спиной, ноги врозь, руки на стенку. Обыскал, как учили. Нащупал во внутреннем кармане нечто. Достал. Темновато было. Скорее догадался, чем увидел: камень в оправе.

Даже для Олега, ничего в этих камнях не понимавшего, ясно стало сразу: очень большой, видимо – дорогой.

Он и представить себе не мог насколько.

И тут: «Слышь, брат, верни камушек и отпусти, я тебе по-человечески прошу. Считай, золотую рыбку отпустишь, как в сказке. Я для тебя все сделаю, что ни попросишь. Всю жизнь можешь на меня рассчитывать. Только отдай и отпусти. Не отпустишь – меня завтра же убьют. А тебя послезавтра. Они все могут, везде достанут. Центровые люди, очень страшные. Поверь... Гринею меня кличут. Прошу, брат!...»

Парень умолял. Олегу показалось, что на глазах у Грини выступили слезы. Разглядеть не мог, но показалось. Внутренний голос, который уже тогда частенько заговаривал с Олегом, подсказал: «Отпусти, не пожалеешь!»

Он жалел, но не долго: через пару лет забыл. А еще через десять Гриня дал о себе знать. Память у него оказалась крепкой, и законы сообщества, по которым жил, соблюдал он неукоснительно. В 1982-м нашел Олега в Козловске, куда вернулся после мест не столь отдаленных и адаптации в Славянске в качестве смотрящего от московских воров. Олег Олегович служил все в том же РУВД, но уже в чинах, капитаном, к майору подкрадывался.

С тех пор они были друг у друга. Точнее, Гриня – у Олега Олеговича. Милиционер, а потом судья, за время незначительными исключениями, ничего для Грини не сделал, да тот – робко! – всего три раза и просил. Зато свято держал то давнее слово. Поскольку было это слово вора прежней, доперестроечной закваски. Дымков сперва удивлялся, а потом привык: среди «них» встречаются и благородные хозяева своих обещаний.

Дымков не злоупотреблял – ни-ни! Но несколько деликатных просьб, поступивших от судьи за все эти долгие 28 лет, были выполнены быстро и неукоснительно. Благо Гриня укоренился в Славянске прочно и давно уже стал солидным предпринимателем Гришаевым Игорем Тимофеевичем, – с отмытым в документах прошлым и с мало кому ведомым настоящим, в котором – тайное могущество.

Вот почему встречи их были крайне редки, крайне законспирированы – Гриня понимал... Но знакомство помогало Дымкову собирать, если надо, кое-какую информацию. Через него Олег Олегович получил некие снимочки, о которых ниже.

И еще был один очень нужный человек. В Москве. Близкий друг. Но это совсем уж особая история...

Миклуха заканчивал тогда вечернее отделение юрфака. Славянского университета, работал помощником юрисконсульта на небольшой Козловской сырьевой базе, пил и трахал все, что шевелится и дышит, будучи прикрытым бабками и покровительством отчима, в чине майора милиции базу это крышевавшего.

Однажды к вечеру туман застлал кривые и раздолбанные улочки Козловска, а похмельная пелена вдобавок затуманила ясны очи Миклухи. Старушку отбросило бампером джипа метров на десять, и дух она испустила еще до того, как студент-лихач Миклуха сподобился остановиться и на подкашивающихся ногах дошкандыбать до места преступления.

Нерегулируемый пешеходный переход. Скорость – мама не горюй! Одна фара мертвая, один подфарник тоже. От мальчика разит. Бабка наповал. Приехавший во главе экипажа капитан тогда еще ГАИ, Миклуху и батю его знавший, на ухо шепнул: «Будем, конечно, рисовать, что трезвый, но семерик тебе светит, так что пусть батя бабло готовит».

Зот пасынку врезал, но средства выделил. Мать рыдала. Судье Дымкову, у которого дело, предлагать было бессмысленно: репутация... Занесли от Зота в область через человечка человеку для человечка. Последний занес, что осталось, в областную прокуратуру. Оттуда вышли на Дымкова и были посланы.

Да, репутация неподкупного, объективного и совестливого судьи являлась тем единственным (до поры до времени!) капиталом, которым располагал Олег Олегович. За то страдал, за то и терпел, готовясь впоследствии вложить этот капитал как можно более выгодно.

В суд Миклуха явился под подпиской о невыезде и без иллюзий. Папа-майор готовил сумму для кассации в область и на заседание не пошел вовсе, стыдясь. Мать, лицом чахоточно бледная, сидела не шелохнувшись.

Истцом выступала Кутепова Дарья, дочь убиенной старушки, вооруженная адвокатом – назначенцем. На платного денег не было: мощно пила, а малолетку внучку содержала на свою пенсию ныне покойная. Адвокат явно обещал Кутеповой материальную компенсацию, которой хватит на цистерну спирта и вагон закуски: «только веди себя правильно». Она и вела...

Она давила трагедию попорченной дочерней любви и голосила, предрекая кошмар пожизненных душевных терзаний. Актерствовала в выражениях, понятных народу и доступных самой пострадавшей. Типа: «Как же я теперь без мамочки моей, без любимой, как доченька без бабушки будет, как жить-то с болью такой, люди добрые?!»

Адвокат Миклухи ловко осадил истицу Кутепову, приведя свидетелей ее каждодневных пьянок и как следствие диких скандалов с горячо любимой мамашей.

Но проблемы Миклухиной защиты были в том, что сама старушка не злоупотребляла, погибла трезвой, почти на «зебре», безвинно и безвременно (всего-то 64 года) и внучку фактически одна кормила-одевала-выхаживала. Данному обстоятельству прокурор придал в своей речи градус душераздирающей мелодрамы. Алкоголичка Кутепова предстала беззащитной сиротой, оставленной этим отморозком без средств к существованию, с дочкой-кровиночкой на руках.

Адвокат Миклухи витийствовал слабовато, упирая на хорошие характеристики (тоже мне, проблема для папы-мента!), на горячность молодости и на отсутствие судимостей и правонарушений.

Дымков все уже для себя решил. Кроме срока. Дать надо столько, чтобы и та половина, которую подсудимый реально отсидит к моменту досрочного за хорошее поведение (тут уж папа расстарается!), оказалась чувствительной, не мимолетной.

Последнее слово Миклачева Анатолия Зотовича, неформально выражаясь, сбило судью Дымкова спонтальку. Не ожидал.

Миклачев смотрел прямо, не мигая. Большие серо-голубые глаза его (красавец парень!), честные и слегка влажные, устали на Дымкова, словно на икону, перед которой изливал душу глубоко верующий грешник, проигравший сражение с дьяволом.

Он и слова не произнес в свое оправдание, но и не посыпал голову пеплом в объемах, какие остаются после грандиозных пожаров. Без слез и истерик, на сдержанном мужском «взрыде», он исповедался в непреднамеренном убийстве как в жестоком преступлении, которое совершил он не только по отношению к покойной и ее близким, но и к самому себе, к своей молодой жизни, к судьбе своей. Он вспоминал несчастных героев греческих трагедий, затронул тему неизбывной роковой вины. И, как слепой Эдип, он не видел для себя оправданий, смягчающих вину обстоятельств, потому что не может быть прощения, оправдания, успокоения для его, Миклачева, совести. Что бы ни случилось, каким бы ни был приговор, он уже прозвучал для него, для его совести и души – пожизненный. Он не просит о снисхождении. Единственное, о чем мечтает, – своим трудом в колонии и после физического освобождения полностью отдать ту сумму компенсации дочери, какую присудят, а потом он и сам продолжит помогать несчастной и ее ребенку, пока будет в том нужда.

Родственницы убиенной, свидетели, мать подсудимого, случайные тетки в зале, секретарь суда – ошалели. Женщины рыдали. Мужчины потрясенно молчали. Адвокат вошел в ступор.

Дымков удалился в тесную судейскую для вынесения приговора.

Он уселся в кресло, в котором было ему чрезвычайно уютно вершить справедливость, закурил и улыбнулся.

«Вот сукин сын! Талант! Не юристом, так актером был бы отменным. Психолог. Лицедей. Начитанный! Умница, даром что молод. Какая расчетливая, циничная, талантливая скотина! Даже меня в какой-то момент повело. И ведь на самом-то деле – ни на грамм раскаяния. Ни на йоту. Он таких старушек, дай волю, давил бы шеренгами».

И тут шевельнулось: «А может – он? Не тот ли, кого ждал? Что-то в нем... подходящее. Интуитивно чувю... Надо рискнуть. Пора уже».

Пора цементом заливать фундамент. Хрен знает, сколько еще отпущено. Страна-то дикая, взбалмошная, людишки ушлые: не ровен час схавают с потрохами. И пойдешь ты, Олешек, в тюрьму или в лучшем случае в адконтору за двадцать копеек искать для всякой шпаны смягчающие обстоятельства».

Дымков огласил два года условно и компенсацию двести тысяч. Пьянь Кутепова показно истерила, взывая к справедливости, но мысленно воображая адекватный сумме литраж. Обвинитель ожидал чего-то подобного, и лицо его подобающим образом окаменело, отображая суровую муку глубоко уязвленного профессионала. Адвокатишка сиротки-истицы с индифферентным видом собирал бумаги. Миклуха молчал, уставясь на судью-благодетеля глазами чудом спасенного при пожаре. На вопрос: «Подсудимый, вам приговор понятен?» – по совести, в продолжение своей исповеди, он должен был бы ответить: «Нет!». Но он выдавил: «Понятен!». Азы юридических знаний и осведомленность о неподкупном судействе Дымкова с неопровержимостью подсказывали: «Не поверил. Но что-то у него «перещелкнуло», у него свои резоны. Интересно бы знать какие...»

Через год он узнал.

– Анатолий Зотович?

Миклуха оглянулся. В этот вечер он возвращался с Ветрогонки, окраинного района Козловска, от сладенькой девочки Сонечки, без руля, слегка подшофе. Он передал Кутеповой очередные три тысячи, а за две куплены были у мамыши неловкие, покуда еще скованные стеснением, но оттого и вовсе с ума сводящие ласки нимфетки.

– Анатолий Зотович, как поживаете?

– Отлично, – автоматически ответил Миклуха, и только потом с недоумением различил под скудным желтоватым светом ближайшего фонаря знакомые черты.

– Да-а-а, – протянул Дымков, поеживаясь от вечернего холодка, – а я-то поверил в вас, Анатолий Зотович, жизнь вашу молодую ломать тогда не стал.

– Это вы к чему? – Миклуха насторожился, жуткая догадка стеснила дыхание. – Вам же предлагали не раз благодарность, я вам по гроб жизни признателен и все такое...

– Человека я хотел спасти, Анатолий Зотович! Молодого. Впервые в жизни пошел против буквы закона, и вот что получилось...

– Что получилось? – уже не сомневаясь в нависшей опасности, с деланным изумлением спросил Миклуха.

Дымков молча достал тонкую стопочку фотографий.

Скудного света фонаря хватило. Это были эпизоды большой и чистой любви между Миклухой и четырнадцатилетней Сонечкой, стоявшей на коленях перед ним, спустившим штаны. Люди Грини камеру приладили удачно – не отвертись.

– Чего вы хотите? Вы кто вообще – судья или шантажист? – прошипел Миклуха, в приступе отчаяния надвигаясь на Дымкова.

Судья не сдвинулся с места. В потемках узковатые кошачьи глаза его отдавали желтизной, слегка отражая фонарный свет, глядели насмешливо, с издевкой.

– Спокойно, юноша! У вас еще все может быть хорошо, все еще обойдется. Вы не нервничайте. Я по-прежнему в вас верю. Только теперь уже в иные ваши свойства. Вы, друг мой, любите жизнь во всех ее незаконных и оттого притягательных формах. Я подарю вам такую жизнь, вы будете сыты и счастливы. Главное теперь – не совершить ошибки. Опрометчивость с вашей стороны – гибель. В следующий понедельник в 19.30 я увижу вас в нашем маленьком сквере возле памятника павшим героям. Вы придете в качестве героя павшего. Вы деловито прошагаете по аллее вниз к реке, повернете по тропинке направо и, пройдя до второй лавочки, присядете отдышаться. Там мы с вами и поговорим. Наедине. Возможно, мне удастся вам помочь не загреметь на пятнадцать лет. При этом ваш лагерный режим может быть отягощен дополнительными обстоятельствами: большие и злые дяди станут с животной жестокостью насиловать вас в жопу по понедельникам, средам и воскресеньям. А может, и каждый день. Тут уж как повезет. И от души вам советую: не надо публичности. Не говорите никому. Не пытайтесь искать выход в честную добропорядочную жизнь. Его нет. Даже если вы сдадите решите убить меня, или бедную девочку, или мамашу ее как свидетеля, – не поможет. Из трех неизвестных вам адресов мигом будут отправлены фото и комментарии во все инстанции и непременно в редакции, дружок, в редакции газет и на телевидение. Еще хуже, если вы попытаете меня обмануть. Вас найдут и уничтожат в любой точке мира в течение месяца. Поверьте, это не блеф. Просто так случилось, что я верно дружу с человеком, который это делает даже без гонорара. Так, из чувства симпатии... Он и съёмочку помог организовать. И сам очень расстроился. Девчушку ему до слез жалко стало. Палачи, видите ли, сентиментальны. Так что – не надо...

С этими словами судья растворился в уличной мгле.

В понедельник Миклуха проделал путь до лавочки, точно как было велено. Просидел минут сорок, судьи не дождался, плюнул и ушел. Дымков перехватил его по дороге от автобусной остановки к его дому на 1-й Луговой улице. Он догнал сзади, когда рядом никого не было, и, шепнув «завтра, там же, тогда же», обогнал и зашагал влево, в сторону центра города.

Дымков не пришел, потому что проверял. Оказалось чисто.

Назавтра на лавочке все и обговорили. Олег Олегович раскрыл карты, сочтя, что риск минимален.

– Вы любите деньги, Анатолий. Я их тоже люблю. Давайте сделаем так, чтобы у меня их стало очень много, а у вас просто много. Я не беру взятки. И не собираюсь делать этого никогда. Взятки за меня будете брать вы. Я определяю, какое дело может выгореть, сообщаю вам. Вы должны продумать схему получения мзды, в которой я не только не участвую, но и не фигурирую. И не знаю ни о чем, потому что не могу ни о чем знать по определению. Понятно?

– Нет.

– Объясняю. Часть информации получаете от меня. По электронной почте. Разумеется, не с моего адреса. Сервер далеко – далеко... Но все равно: прочесть, запомнить, немедленно уничтожить. Остальное кумекаете сами, на судебных слушаниях. Ходить будете не только на мои процессы. Почти на все. Как бы для повышения профессиональной квалификации. По моему процессу вы беретесь уладить дело, то есть смягчить или устрожить приговор, увеличить или уменьшить сумму компенсации, решить имущественный спор в пользу той или иной стороны. При этом сторона дающая получает внятный намек: на неподкупного судью Дымкова выходить бесполезно. Тупой законник, бессребреник, честный идиот. На него надавят из Москвы. Ни больше ни меньше. А Москва – это дорого. Ясно?

– Ясно. А дальше-то какая схема?

– Простенькая, Анатолий. Совсем простенькая. Двадцать процентов оставляете у себя. Остальное кладете в сейфовую ячейку. Вы ее откроете на свое имя в коммерческом банке «Доходный» на улице Каскадной славного нашего Славянска. Езды два часа на машине всего-то. А потом и ездить не придется: карьера неподкупного судьи, как ни странно, скоро приведет меня, надеюсь, к ступеням славянской судебной лестницы. В председатели сразу метить глупо, но судья крупного района – тоже неплохо для начала. Им, в Москве, нужны образцы, примеры для прикрытия, мол, не все продажные. Один-другой упрямый осел в мантии – самое оно. Все равно систему не подорвет. Меня изберут, интуиция подсказывает. Ну а когда накопится в ячейке столько, сколько я сочту достаточным, – дам знать, извлечете, передадите где и как скажу. И дальше поехали ящик загружать. По рукам?

Миклуха ошалел. Но, успокоившись и поразмыслив с минуту, нехотя протянул руку. Он понимал, что вступает на стезю, с которой не сойти.

С того памятного разговора минуло двенадцать лет. Все наладилось и сбылось. Олег Олегович в Миклухе не ошибся. Он вообще по жизни крайне редко ошибался.

Он переехал в областной центр на должность судьи, а вскоре сделался и председателем Левобережного райсуда Славянска. Лично разбирал дела наиболее серьезные, «дорогие», но иногда, из-за кадрового дефицита в суде, брал и незначительные. А у Миклухи (такую кличку придумал ему Дымков, так потом и называть стал при встречах), вслед за ним переместившегося в Славянск, развился угаданный тогда еще, на суде, природный нюх и доведена была до совершенства технология добычи денег. Он снайперски выбирал и раскручивал именно тех, кто хотел быть найденным и раскрученным. Он входил в контакт с адвокатами или напрямую с родственниками, прощупывал, вел переговоры и брал виртуозно, при этом сто раз «оглядевшись по сторонам». Да-да, это самое важное: Анатолий Зотович Миклачев, юрист-консультант, ныне владелец скромной по меркам Славянска юридической фирмы «Миклачев, Лейкинд и партнеры», выработал навык предельной бдительности. Он даже в Москву иногда летал как бы для передачи денег, ставя об этом в известность заинтересованное лицо на условиях строгой секретности. Так обеспечивалось алиби Дымкова и укреплялось доверие к нему лично.

При этом – абсолютная честность в делах с шефом. За годы сотрудничества он и лишней копейки себе не прибрал, хотя контролировать его договоренности со взятодателями Дымков навряд ли мог.

Они встречались раз примерно в месяц в потемках, на маленькой асфальтированной площадке – стоянке на окраине города. Свет ближайшего фонаря с переулка не добивал сюда, растворяясь за фасадом соседней старой девятиэтажки.

Ставили машины рядом, параллельно, как на парковке, но из них не выходили, двигатели не выключали. Миклуха пересаживался в пассажирское кресло, окна приоткрывались, судья быстро формулировал условия, потом коротко беседовали о том о сем, обменивались информацией и разъезжались с коротким интервалом. Передача денег происходила раз в квартал тоже мимолетно, там же, если было что передавать. Но было почти всегда. Увесисто.

Когда Дымков возглавил суд и его стали возить, пришлось для встреч купить старенькую «нексию», что Олег Олегович и сделал скрепя сердце. Иногда они с Лерочкой куда-нибудь выезжали на ней, но основную функцию выполняла машина раз – другой в месяц, служа для встреч с Миклухой.

Доверие Дымкова к партнеру, их жесткая связка и взаимная заинтересованность окрепли настолько, что когда однажды, пару лет назад, Миклуха не без робости попросил вернуть ему памятные фото, Олег Олегович небрежно и вполне искренно бросил: «Да пожалуйста!» – лишь снисходительно улыбнулся и поинтересовался: «А зачем тебе? Ностальгия по юности?». Миклуха без малейшего вызова в голосе, но вполне резонно ответил вопросом на вопрос: «Но вам-то они точно не нужны... уже!» – и улыбнулся.

Он был прав вдвойне. Куда они друг от друга денутся? Да и лишний компромат, хранящийся в доме, пусть даже не на самого хозяина, – ни к чему. Хватит и того, что в тайнике. Дымков отдал те четыре фотки, но копии все же сделал: снял на цифровой фотоаппарат, перегнал в свой старенький компьютер, а с аппарата стер. На всякий случай.

Миклуха мог догадываться, что Дымков подстраховался. Но это его почему-то не смущало.

В последние годы они все чаще встречались на процессах. В этом году уже на трех, где Миклуха отчаянно защищал «проплаченного» чиновника– взяточника, женщину, утратившую способность к деторождению благодаря героическим усилиям акушерки, и старика-ветерана, которого оставили без пенсии. Разумеется, перепало только от чиновника через его жену, за что столоначальнику подарено было незаслуженных два года свободы из пяти лет колонии, светивших ему по закону.

Анатолий Зотович сделался богат. Однако, по сведением Дымкова, не шикавал, пыль в глаза не пускал, чем Дымкова радовал. Ну, «тойота корола» трехлетняя, квартира двухкомнатная не в самом престижном районе, приличные костюмы – а что, юрист все-таки, скромный бизнес, но свой... Дорогуший, лучший в городе ресторан «Сардиния» – ни-ни! Обходился просто хорошим «Алмазом». Супругой не обзавелся, замечен был то в сравнительно пристойных, на два-три месяца, связях, то в стремительных ралли по девицам города и окрестностей.

Миклуха тратил, но и откладывал. Копил. У него появилась цель. Но знал о ней только он один.

Такая же стратегия вела к обеспеченной, комфортной старости и Олега Олеговича Дымкова. Но если иметь в виду размер «траншей», продвигался он шагами куда более широкими и цель его рисовалась в цифрах, несравненно более впечатляющих.

Как известно, Бендеру для обустройства в Рио нужен был миллион рублей. Дымкову для безмятежного существования в Австрии, на маленькой романтической альпийской вилле где-нибудь в районе Земмеринга, в окружении волшебных сосен, уходящих по взгорью к облакам, нужно было два-три миллиона евро. Домик в горах, машина себе и, может быть, Лерочке, если в состоянии будет водить. Квартирка в Вене с двумя спальнями, скромная, но с прибылью фирма, чтобы просто покрывались налоги на недвижимость и на текущие расходы и траты чтобы хватало. Ну и на пару-тройку в год приятных путешествий, – вот, собственно, и все.

По нынешним временам вполне себе скромные запросы простого российского чиновника, а тем более служителя Фемиды. Но и этого вполне было достаточно – лишь бы уехать. Навсегда. Без оглядки.

Да, так уж сложилось, что федеральный судья, в прошлом комсомолец и активист, отличник, знаток ленинских цитат и немецкого языка, правильный советский, а потом российский человек, не испытывал к своей стране и ее загадочному народу большой симпатии. Точнее – вовсе никакой. А любил он Европу, и в частности Австрию, где побывал несколько раз, в составе делегаций, по обмену опытом и туристом.

Дымков не был тайным врагом устоев, в страшном сне не мог представить себя диссидентом или даже членом какой-нибудь ласково-оппозиционной партии. Он просто-напросто жил скрытым отщепенцем, внутренним эмигрантом. Понятие «родина» значило для него мало. Он не был сентиментален и знал, что ностальгии не подвержен. Он с давних пор, послушав всякие «голоса», кое-что почитав и посмотрев, поездив туда, на Запад, захотел когда-нибудь, пускай под старость, переселиться в более комфортную во всех отношениях страну, лучше всего в немецкоговорящую. И безмятежно дожить с Лерочкой отпущенный на земле срок. Он был уверен, что **здесь** безмятежно не получится.

Дымков вплотную приблизился к финишной ленточке и натянул ее, дугою выпятив грудь спринтера, хотя дистанцию прошел марафонскую. Тесный тайник уже едва вмещал надежно упакованные стопы ассигнаций по пятьсот евро. Он приблизился к трем миллионам. Все шло отлично...

...и если бы не этот звонок на мобильный...

«ЧУДОВИЩНОЕ УБИЙСТВО»

Под таким бесхитростным заголовком в «Славянском вестнике» на полосе «Происшествия» 30 июня 2010 года расположилась заметка следующего содержания:

«Вчера в 11.30 в доме 32 по улице Бурмистрова был обнаружен труп господина Миклачева Анатолия Зотовича 1977 г.р. Он являлся старшим партнером юридической фирмы «Миклачев, Лейкинд и партнеры». Тело со следами жуткой насильственной смерти обнаружила домработница, приходившая по средам убирать квартиру. По словам одного из понятых, просившего не называть его имени, убитый лежал на полу возле письменного стола с проломленным черепом. Рядом с трупом убийца оставил отрезанный у жертвы язык. Половой член также был отсечен, но на месте преступления не обнаружен. Неясно также, чем ударили по голове хозяина квартиры. Зато следственной группе не придется искать орудие, с помощью которого произвели членовредительство: большой острый кухонный нож лежал рядом с трупом. Вся комната была залита кровью, в том числе и так называемой «тяжелой» – так на языке медиков и судмедэкспертов называют смесь крови с мозговым веществом. Судя по страшному беспорядку, убийца что-то искал в квартире. Члены оперативно-следственной бригады от комментариев отказались. Как нам стало известно, дело поручено следователю по особо важным делам Славянского управления Следственного комитета при прокуратуре РФ Андрею Кудрину».

«Последний транш!.. Хороший, жирный. Как всегда, без малейшего риска, один приговор... Приговорчик... Каждое слово в вердикте тянуло евриков на сто. Слово – стольник, слово – стольник. Коротенько и убойно получилось, как раз на двести тысяч евриков заявленных. Обвиняемый Уткин, богатая сволочь, заказал спалить дом конкурента по пивному бизнесу. Ладно бы дом – жена этого конкурента сварилась почти вкрутую. Семьдесят процентов

поверхности тела. Но прямых улик нет. Нет, как нет! Косвенные – сильные, исполнитель есть, убедительный посредник есть, а улики... Да еще алиби смутное у этого Уткина можно было учесть. Словом, «свободу Юрию Деточкину» в зале суда, двести косых на счет, итого, три «лимона» за годы непорочной службы. Ну ничего! Все и так нормально! Через полгода – год алес капут, прощай, немытая Россия, здравствуйте, покой и воля, чистый воздух Альп, лыжня безупречной раскатки, Моцарт в Венской опере, волшебный Зальцбург, приветливые бюргеры и ласковые полицейские, книги и прогулки, размышления о вечном, приятные хлопоты вокруг маленького, необременительного бизнеса, лучшие врачи для Лерочки и поездки с ней на лучшие швейцарские курорты... Все то, что никак не мог себе позволить судья заметного ранга с репутацией бессребреника, когда вокруг да около бизнесмены, чиновники, даже депутаты гуляли по полной программе и дома, и за границей, чихали на всех с высокой колокольни. Правда, садятся время от времени. Но судья – под лупой, под микроскопом. В последние годы особенно...

«Что ж, сам ты, Олежек, выбор сделал. Теперь, Олежек, сетовать поздно. Все жили – ты копил. Цель не достигнута, но, конечно, хватит и этого... если... Эй, эй, без всяких «если»! Все нормально, Олежка, все чисто, все путем. Возьми себя в руки! И все-таки что же он такое сотворил, Миклуха мой бесценный? Чем заслужил? Что и кому ляпнул? Кого трахнул? Нелишне бы узнать. В любом случае сам виноват...»

Таким мятежным и докучливым мыслям предавался и к такому выводу пришел Олег Олегович Дымков, скорбно склонившись над вышеприведенной газетной заметкой в своем уютном кабинете на третьем этаже старенького здания областного суда, так и не отремонтированного в рамках всероссийской кампании по приведению в порядок «храмов правосудия».

Да, мысли докучали, бередили, тревожили, но не более того. Пока не раздался **звонok**.

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ПОСЛЕ УБИЙСТВА РАЗДАЛСЯ ЗВОНOK С ТОГО СВЕТА

Прикосновение. То местечко, чуть ниже левой лопатки. Осторожный, щекотный кружочек, очерченный подушечкой пальца. Еще один, чуть ниже. Еще ниже, еще... Теперь под правой лопаткой. Чуть ниже. Еще ниже, вдоль позвоночника, ближе к бедру. Начинается...

Андрей Иванович Кудрин сидел на следствии без малого пятнадцать лет. Начинал, как положено, опером в МВД. Теперь – зам. руководителя следственного отдела. Повидал всякого. И вывел для себя закономерность. Или приметку, что ли... Если выпадают убийства с экзотической и большим количеством крови – удаётся раскрыть процентов семьдесят-восемьдесят. Если все традиционно по форме, а крови умеренно или нет вовсе – жди следствия мучительного, долгого, плавно переходящего в висяк.

Кудрин любил свою работу, обожал успех и ненавидел себя в тех нередких случаях, когда все усилия шли прахом и истина так и не всплывала. Или искусно переворачивалась с ног на голову, скукоживалась, растворялась в демагогическом тумане, который так ловко напускали в зале суда изошренные адвокаты.

Кудрину было пятьдесят три... Он делил жизнь между преступниками, дочкой Алиной, которую растил без матери – умерла Веточка при родах! – и поэтом Пастернаком, которого чтит безмерно. Особенно его поздние стихи, из коих можно было черпать душевную стойкость, когда докучали мысли о старости и бренности бытия. Он и сам когда-то писал в рифму тайком: за ученической партией, в казарме под Сыктывкарком, в ночном студенческом общежитии. Но, почитав по совету приятеля Больших Поэтов, особенно Пастернака, – бросил. И стал ловить себе преступников, поскольку каждый должен заниматься тем, что ему предназначено свыше.

Если по приметке, то лежащее перед ним дело N 354 должно быть расследовано сравнительно быстро. Но что-то подсказывало Кудрину: не тот случай. Непосредственно на месте

преступления следов и подсказок не обнаруживалось. Голову проломили тупым предметом, не оставившим никаких зазубрин. Мозг погиб в результате сильнейшего внутреннего кровоизлияния. Эксперт допускает, что был предмет, обернутый в толстую мягкую ткань, или даже удар кулаком, защищенным перчаткой, но удар нечеловеческой силы.

На месте преступления эксперты, видите ли, не обнаружили ничего, кроме трупа и языка, у него отрезанного. Второй причиндал, можно сказать, главный, знаковый, преступник прихватил с собой или спустил в канализацию. Последнее маловероятно: почему тогда язык оставлен? Ни орудий преступления, ни следов обуви, ни отпечатков, ни вскрытого замка, ни материала, перспективного для генетической экспертизы, – ничего. Если не считать нескольких волосков на подушке, на ковре, на использованном полотенце в пластиковом баке для грязного белья. Волоски принадлежали как блондинкам, так и брюнеткам. Но, к сожалению, современная экспертиза еще не достигла такого совершенства, чтобы по цвету, длине или толщине разных волосков, найденных в помещении, определить, хозяйка какого из них побывала здесь последней. Непонятно было также, чем этого Миклачева треснули по башке. Но саданули крепко.

Да, еще следы лихорадочного обыска... Что искали? Вопрос. Паспорт и прочие документы не тронули... Разве что какую-то часть. Если взяли деньги и драгоценности, то кто это может подтвердить или опровергнуть – человек – то жил одиноко, бабам своим вряд ли показывал укромные места. Домработница Щукина, рыдая, клялась, что у Толеньки за все четыре года, что убирает, нитки не взяла и никаких таких денег или брильянтов ни разу не видала и не натыкалась. Правильно: солидный человек, юрист, не мог хранить деньги под матрасом. И сберкнижек не видала. А вот это странно. Их-то могли и забрать. Впрочем, зачем, если без паспорта они все равно ничего не стоят? Надо запросы дать по сберкассам, коммерческим банкам – наверняка что-то где-то лежит. Ну и что? Лежит себе. Кроме матери близких родственников нет. Мамаше несчастной достанется... Щукина уверяет также, что нож точно его, из квартиры, она им всегда мясо резала, когда готовила на субботу-воскресенье, сама правильным брусочком затачивала. А остальное... На ее взгляд, по ее памяти, ничего в квартире не пропало.

«Ни х..., в том числе и самого х...» – мрачно пошутил про себя следователь. Андрей Иванович не был поклонником черного юмора и любителем крепких выражений. Интеллигентные родители-музыканты и обозначенный ими круг чтения сформировали брезгливость к скабрёзностям и жесткому сленгу. Но иногда его прорывало, и он озвучивал эмоцию в доступной простому народу лексике.

Кудрин глотнул чаю из стакана в старом мельхиоровом подстаканнике – бабушкино наследство, с которым не расставался вот уже два десятка лет. И приступил к размышлениям. Точнее, к интервью, которое он давал сам себе в процессе поиска истины: такая форма стала для Кудрина абсолютно органичной и очень помогала вылавливать зацепки и детали.

– Что мы имеем?

– Миклачев Анатолий Зотович, 33 года, юрист, небольшой частный бизнес. Родился в районном центре Козловске в семье милиционера и парикмахерши. Единственный сын в семье. В школе учился на отлично. Учителя отмечали работоспособность, прилежание, цепкую память, терпение. При этом был замкнут, близких друзей не заводил. Привлекателен внешне, что вызывало повышенное внимание девочек. Если и были отношения с кем-то из них – не афишировал. Судим в 1997 году, сразу после окончания юрфака, за непредумышленный наезд на пешеходном переходе со смертельным исходом. Срок о-очень гуманный – два года условно и 200 тысяч компенсации.

– Как тебе такая человечность козловской районной Фемиды?

– Да, могут пожалеть, когда хотят. Во сколько, интересно, обошлось папаше – менту спасение юного отрока? И кто судил? Надо выяснить. Дальше... Симпатичный, пользовался успехом у одноклассниц.

– Имеет значение?

– Еще какое! Этот успех получил развитие. Опрошенные, коих было немного, отмечают, что подруги у Миклачева водились обычно эффектные или просто роскошные. Не слишком часто, но постоянно менял. Он явно искал совершенства, шел к идеалу. Согласен?

– Вспомни, свидетели видели его и с простушками, серыми мышками. Но таких случаев два или три. Так или иначе всех, кто прошел через его постель за долгие годы, начиная с пубертатного периода, не обнаружишь и не опросишь. Галерея, видимо, впечатляющая.

– Но кто последняя?

– Салахова Анна Саидовна, 1981 года рождения, филолог, преподает в институте, она же клиентка, бракоразводный процесс с мужем Салаховым Тимуром Тагиевичем. Опрошена и проверена только на предмет алиби. Все в порядке. С мужем почти нет конфликта. Она ничего не хочет, кроме дочери, алиментов и машины. Он согласен, кроме машины. Не злятся, разбираются мирно. Небогатая семья. У него любовница, он хочет быстрее развестись и жениться, вот и все.

– Отрезанный член как месть за неверность, измену – возможно? Запросто! Стало быть, шерше ля фам или, наоборот, шерше ля мужика-мстителя с бородой и кинжалом. Стало быть, надо копать интимные связи?

– Надо. Но где же взять столько народу и времени... До морковкина заговения, до второго пришествия копать будем. Найти каждую – отдельное следствие с сомнительными шансами на успех. Безумие. У него что – при всяком свидании друг со свечкой стоял или учетная запись велась? А может, бросить клич, в газетке дать объявление: просьба всех спавших с Миклачевым Анатолием Зотовичем явиться к следователю Кудрину... Но деваться – то некуда. Начнем с Салаховой. И еще хотя бы пять-шесть последних пассий этого несчастного мужика найти надо.

– А язык отрезанный – символ чего?

– Наверно, болтал много. Или жестоко оскорбил словом. Или заодно оттяпали – в комплекте. Да черт его знает! Чего пристал!

– Партнеры?

– Трое. У двоих весьма убедительное алиби. Лейкинд Леонард Семенович, 34 года, тоже юрист по образованию и вроде бы близкий приятель (сам он это отрицает), был в отъезде, в Арабских Эмиратах с семьей. Оповещен секретарем конторы, срочно прилетел, оставив на курорте жену и сынишку. В шоке. Сокурсник по юрфаку, приятель. По бизнесу, как он уверяет, у них абсолютный тип-топ, да и бизнес-то плевый по нынешним временам, клиентов кот наплакал, только раскручивались. Говорит, дай бог по паре-тройке тысяч баксов в месяц выходило. Проверим... Говорит, Толик был хороший, честный, но в свою жизнь не пускал, в друзьях задушевных никого не числил, о женщинах своих никогда не рассказывал. Пару раз знакомил с неохотой: деваться было некуда, встречались на улице, в баре. Имена не помнит, внешне – смутно, но узнать может, если предъявить в живом виде или на фото.

Второй – Севрук Роман Григорьевич, 30 лет. В день убийства был дома, ОРЗ, температура, приходил врач. Жена, бухгалтер в риелторской конторе, вернулась с сыном из яслей в 19.00, Миклачева убивали между 20.00 и 21.00. Муж лежал, болел, глюки и враки исключены. Севрук молодой юрист, приехал из Кемерово, где честно практиковался на горняках и мелких угольных мафиози – пьяные драки, убийства, рэкет, левые поставки... С убитым познакомился по Интернету. Приехал по приглашению – чем-то понравился Миклачеву. Отношения товарищеские. Но подтверждает: Толик был закрытый, себе на уме при внешней радушии и порядочности. До денег нежаден, хотя расчетлив. Умен и отлично юридически подкован.

И, наконец, Гольшева Алла Осиповна, 37 лет, юрист, полноправный партнер. Коренная жительница Славянска, юрфак нашего гуманитарного университета. Очень ничего себе внешне. Блондинка. Разведена, детей нет, живет одна. Заявила, что в тот вечер засиделась на работе допоздна, разбирала очередное дело. В 22.00 выехала, к 23.00 была дома, попила чаю

и легла спать. Свидетелей нет: никому не звонила, ни с кем не общалась. Алиби нет. Если не считать вопиющего несоответствия: довольно хрупкая леди, а какая сила удара! Затылок Миклачеву примяла – будь здоров! Хотя криминалистике известны случаи, когда страсть и жажда мести придавали субтильным барышням невообразимые физические свойства. Да, есть еще секретарь Леночка со смешной фамилией Тутышкина.

– Родители убитого?

– Папа умер. Бывший мент, был в отставке в чине подполковника. Надорвал печень – водка, цирроз. Мать на пенсии, до последнего ухаживала за мужем. Жили скромно. Отношения с сыном были нормальные, навещал, помогал деньгами потихоньку. Это ж надо было менту в таких чинах, при таких-то, можно не сомневаться, взятках и откатах столько пропить, чтобы к концу жизни на лекарства не оставалось.

– Ну что, может, начнешь работать помаленьку? Допросы соседей, дополнительные осмотры места преступления, поиск баб и все такое... Словом, следствие бы учинить по всей форме! Ты как?

Кудрин тяжело вздохнул, поднял трубку и призвал народ.

Прикосновение.

Вдох едва слышен. Легкий, еще безмятежный, чуть настороженный. Выдох мягкий, мятный, с оттенком нарождающейся тревоги. Вздрогнули веки, медленно опустились.

Прикосновение.

Первая дрожь. Волнообразно, от ступней, по телу, до легкой пульсации у затылка. Выдох чуть шумней, отчетливей, первый чувственный тон. Руки ожили, приподнялись, обвили, невесомо расположившись на спине.

Прикосновение, второе, третье, пальцы остановились, неподвижны, замерли.

Глубокий вздох, уже подобие стона. Но нет, не стон. Что-то предшествующее, неопределимое...

– Тише. Только тише. Не торопись. Все будет. Оно придет. Не торопись. Почувствуй. Ты чувствуешь?

– Да.

«Народ», составлявший костяк следственной группы, которой Кудрин решил поручить это дело, был разнополюй. Мужская его половина звалась Пашей. Женская – Марьяной.

Паша Суздаев был блондином, «белокурой бестией» с голубыми глазами и накачанной мускулатурой бодибилдера. Кудрин терпеть не мог такой атлетический тип, не в силах побороть раздражающие ассоциации с тупыми киногероями и бритоголовыми уличными бандитами. Сам будучи отнюдь не слабаком и не брезгуя ежедневной силовой зарядкой, он видел в этих мужиках что-то пошлое и карикатурное. Однако Пашу легко принимал таким, каков он есть, по причине вполне уважительной: этот 35-летний «Шверценеггер», пришедший три года назад из оперативки УВД, сумел приобрести и сохранить изрядный запас интеллектуальной и умственной энергии, отнюдь не всю перекачал в телесную. Правда, мозги его были устроены своеобразно. Быстро переваривая информацию, он, словно заправский сценарист сериалов в жанре «экшн», в порыве вдохновения выдавал с ходу вереницу абсолютно фантастических, вздорных, порою банальных, порою просто смехотворных «решений сюжета», то есть идей и версий, одна из которых внезапно ошарашивала своей достоверностью и продуктивностью. Кудрин называл это «лупить картечью» и по-своему ценил такую особенность Пашиного подхода к следствию.

Марьяна Залесская, напротив, энергичным конвейерным выпеканием версий и идей не отличалась. В свои 33 года дама она была довольно флегматичная и не слишком разговорчивая. Яркая модельная внешность также не входила в число ее очевидных достоинств. Зато была

она из тех женщин, в которых внимательный, не поверхностный взгляд способен уловить сдерживаемую эмоциональность, обаяние и артистизм, способность вдруг преобразиться. Не случайно факультетская театральная студия приветила Марьяну и режиссер отдавал ей чуть ли не все главные роли. Удивительно глубокие, обычно малоподвижные карие глаза, жившие на лице ее какой-то самостоятельной, автономной жизнью, выдавали природой отпущенный ум, пронизательность, способность заглядывать за очерченный горизонт проблемы, поверх логических барьеров. Лучшая выпускница курса психфака, кандидат наук, незамужняя, она шесть лет назад была привлечена к разгадыванию возможного психотипа искомого убийцы. И «прочла» его, как потом выяснилось, словно открытую книжку, – с точностью до абзацев и запятых. Интерес оказался взаимным, Марьяна отбросила иллюзии относительно смены профессии на актерскую, стала экспертом-аналитиком в следственном отделе, работала исключительно с «важняками», чаще всего с Кудриным, ценившим ее по заслугам.

«Народ» вошел и расселся. Кудрин кратко обрисовал, «что мы имеем» на сей момент. В основном для Марьяны, поскольку собранные данные оперативно предоставил, собственно говоря, Паша, подключив двух дознавателей.

– Какие мысли?

– Позвольте, Андрей Иванович? – Паша был суров и деловит. – Я полагаю, мы слишком еще мало знаем. Нужно соседей всех по подъезду тотально прочесать, партнеров еще раз допросить с пристрастием, с матерью его поговорить, как только сможет, проверить алиби Гольшевой этой... блондинки, поднять личное дело убитого – школа в Козловске, работа, университет, компании, организация конторы. Само собой, вокруг судимости покрутить – что там за история. И главное, кровь из носу нужны зацепки по его амурам.

– Молодец! – перебил Кудрин. Он встал, обошел свой стол и картинным жестом показал Паше на освободившееся кресло. – Присаживайтесь, Павел Игоревич. После ваших рекомендаций по дальнейшему ведению следствия я считаю свою миссию исчерпанной. Вы блестяще освоили методику поиска преступника. Точно сформулировали план действий. Добавить нечего. Разрешите выполнять?

Паша стал пунцовый, отчего светлые его волосы еще эффектнее контрастировали с крупным кругловатым лицом. Он вскочил в замешательстве и хотел было что-то сказать в свое оправдание, но Кудрин прервал.

– Паша, если ты хотел мне потрафить или продемонстрировать, как глубоко ты в деле, то радуйся: тебе это удалось. Но мы с тобой не первый день, фигурально выражаясь, замужем. Какого рожна, прости, пожалуйста, ты формулируешь то, что ожидаешь услышать от меня через минуту? Как дитя малое, честное слово!

Оставшись довольным тем, как он славно поерничал и осадил бедного Пашу, Кудрин примирительно продолжил:

– Пожалуйста, конкретизируй, как ты изволил выразиться, по амурам.

– Начать с Салаховой – как ее там... Саидовны, и пусть его партнеры по фирме отсмотрят женскую картотеку, походят по кабакам, может, узнают кого из тех, с кем он мимоходом знакомил...

В отличие от Паши с Марьяной Кудрин никаких вольностей себе не позволял, был только на «вы», хоть и не всегда «по отчеству», непоказно уважителен и даже ласков, хотя и не стеснялся пожурить, если дело шло слишком туго, и анализ казался ему излишне отвлеченным, не приближающим к разгадке.

– У вас, Марьяна Юрьевна, какие-то первые впечатления возникли?

Только сейчас, задав этот вопрос, Кудрин вдруг почувствовал некую неловкость: отныне и до окончания дела в его разговорах с нею должен фигурировать отсеченный мужской орган. Ценитель поэзии и музыки, он мог быть резок, а порой и грубоват с женщиной, но с женщинами вел себя неизменно галантно и с трудом общался на столь деликатные темы, если, конечно,

собеседницей не была судмедэксперт. Облик же Марьяны Юрьевны, манера ее поведения уж и вовсе не располагали Андрея Ивановича к тому, чтобы называть такие «вещи» своими просторечными именами. Надо бы придумать эвфемизм! Желательно – сугубо медицинский или литературный.

– Скорее – ассоциация, Андрей Иванович!

– С чем же?

– А вам не доводилось смотреть японский фильм под названием «Империя чувств»?

– Что-то слышал, но, увы, каюсь, не видел – пробел в моем кинообразовании. Просветите, пожалуйста, Марьяночка!

– Выдающийся режиссер Ошима или Осима – по-разному произносят. История любви молодой японки и ее хозяина. Это была любовь-страсть, явно на грани сексуальной патологии. Еще это называют перверсия или девиация – в зависимости от формы и степени отклонения от нормы. Так вот, они придумывали все новые способы и позы, чтобы эту страсть утолить. В конце концов, прибегли к известному, описанному в специальной литературе рецепту: во время акта девушка слегка придушивала партнера. В смысле дыхание ему перекрывала шейным платком. Это действительно повышает сексуальное возбуждение... – она сделала едва заметную паузу, испытав, видимо, неловкость от столько категоричного заявления, и тотчас добавила: – ...как считают сексопатологи.

Мужчины слушали ее с нескрываемым интересом, причем по выражению глаз Паши Суздалева можно было сделать вывод, что у этого здоровяка интерес еще и вполне практический.

– Апофеозом этой их страсти, – продолжила Марьяна, – стала сцена, когда придушив любовника до смерти, обезумевшая женщина отрезала его плоть и радостно ходила с нею... с ним... по деревне.

После этих слов интерес Паши к упомянутой технике любви немедленно угас.

– Так вы полагаете... – произнес Кудрин и осекся, встретившись взглядом с Марьяной. Она смотрела, как обычно, сквозь него куда-то в другие сферы или, может быть, на этот раз просто воспроизводила перед мысленным взором кадры упомянутого ею то ли порнографического, то ли садистского, то ли действительно выдающегося фильма.

– Полагаю, Андрей Иванович, что страсть наверняка здесь замешана. И не обязательно между мужчиной и женщиной. Я бы порекомендовала еще раз тщательно исследовать место преступления на предмет наличия следов спермы и борьбы. Неплохо бы узнать с полной достоверностью, не случилось ли полового акта, в том числе гомосексуального, непосредственно перед актом... усекновения.

«О, то, что надо, сама словечко подсказала», – подумал Кудрин. Он обрадовался, что за него решили эту маленькую этику – филологическую проблему.

– Работаем, дамы и господа! Шум изрядный, пресса атакует, начальство держит под контролем. Работаем интенсивно. Паша, ты знаешь, что делать. Я сам допрошу эту разводящуюся Салахову, ты – партнера Романа Севрука, у которого в день убийства болезнь случилась. Вас, Марьяночка, попрошу побеседовать с Голышевой. Вдруг она вам, как женщина женщине, расскажет какие-то сокровенные вещи про убиенного Анатолия Зотовича. Уверен, что эффектная блондинка не могла быть для него просто коллегой.

– Всякое бывает! – философски заключила Марьяна и убрала со лба небрежно подкрашенную рыжеватую прядь редковатых волос.

– Нет, не уходи. Пожалуйста...

Пальцы отведены. Пауза. «Невыносимо, не могу больше».

Прикосновение. «Господи, какая... Я умру...»

Прикосновение, еще одно, пальцы застыли. «Не торопись, ощути...»

Глубокий вздох навзрыд, прерывистый, жадно вбирающий воздух, глаза открылись, умоляют.

Прикосновение увереннее, настойчивее. Конвульсивное движение ног, стон сильнее, хриплый, изнемогающий.

Пальцы отошли. «Не могу больше!..»

Перед Пашей Суздалевым сидел молодой симпатичный парень с абсолютно индифферентным выражением лица. Создавалось впечатление, что этот Рома Севрук уже забыл о недавнем существовании на белом свете своего работодателя и партнера Миклачева, о жутком убийстве и вообще... А ведь прошло всего-то трое суток. Впрочем, у людей эмоциональный строй разный, нервная система тоже – чему удивляться?

Спокойно и монотонно Севрук повторил историю Интернет-знакомства с Миклачевым. Почему был выбран и приглашен? Сперва, как Толя сказал, на фото глянулся. Потом – диплом, скорее всего. Тема – «Некоторые психические аномалии правонарушителей как побудительные факторы преступных действий». Прислал Миклачеву по почте, тот прочел, понравилось. Так сам Толя объяснял потом. Своим младшим партнерством Севрук был вполне доволен, получал мало, но верил в будущее. Отношения ровные, приятельски нейтральные, никаких конфликтов...

...– Ни одного за три года? – изумился Паша. – Постарайтесь вспомнить, Роман Григорьевич.

Севрук сделал вид, что напряг память.

– А-а, вспомнил, было... Ручку паркеровскую я у него однажды стибрил ненароком, автоматически в карман положил, а она у меня за подкладку завалилась. Клялся, что не брал. А он орал, что больше некому. Явно меня подозревал, весь день не общался. Хорошо, сам я ее случайно нащупал, извинялся как мог.

– Все?

– Нет. Однажды окно в кабинете приоткрыл, он не заметил, ему в спину надуло. Застудился, меня обвинял. Слегка погрызлись. Но незлобиво.

– Также незлобиво, как вы сейчас надо мной издеваетесь, да? – язвительно и не без угрозы в голосе поинтересовался Паша, поиграв желваками и как бы невзначай – бицепсом правой руки.

– Ну что вы, коллега, – спокойно и ровно парировал Севрук, – у меня и в мыслях нет, мы же юристы, интерес ваш понятен, но, увы, добавить нечего, зацепок у меня для вас нет. Консультации, которые он давал, и дела, которые вел в последнее время, – все у вас, изучайте. Конечно, у всех у нас есть за плечами процессы выигранные и проигранные, за исход которых та или иная сторона готова набить морду, устроить пакость, покалечить даже. Но, насколько мне известно, ничего такого, за что можно было убить юриста, адвоката, человека... Был бы рад помочь...

– А с Гольшевой Аллой Осиповной какие у него были отношения?

«Нет, не Штирлиц», – удовлетворенно заключил Паша, легко обнаружив мгновенную тень, пробежавшую по лицу визави, и дрогнувший уголок рта.

– Я уже объяснял при первом нашем беглом разговоре по телефону, что о личной жизни Анатолия почти ничего не знаю и ею не интересовался. То же могу сообщить и о коллеге Гольшевой. В офисе наблюдал абсолютно деловые и дружески-доброжелательные между ними отношения. Нормальное общение, обычное мужское шуточное заигрывание, естественные знаки внимания и женское кокетство. Целующимися застукать их не довелось. Совокупляющимися тоже. И вообще, насколько мне известно, у нее кто-то был постоянно после развода, были вполне себе нежные тихие разговоры по телефону с каким-то Эдиком, договоренности

о свидании. Так что Толя при всем его обаянии здесь, что называется, «не плясал». Это мое субъективное наблюдение – заметьте, я ни на чем не настаиваю и ничего не утверждаю.

Паша решил рискнуть – «взять на понт».

– Странно, уважаемый Роман Григорьевич, странно.

– Что именно?

– Профессиональный юрист – и вдруг такая ненаблюдательность, такая неосведомленность о коллегах, близких вам людях. А вот у нас информация, что Гольшшева влюблена была в вашего покойного благодетеля, как кошка, и романище у них крутился, как карусель в парке, с восторженными визгами. А потом вдруг прервался на высокой драматической ноте.

– Значит, это было до меня, – резко и категорично сказал Севрук, при этом взгляд его явно поутратил невозмутимость и спокойствие. Паша понял, что попал в точку, в яблочко. Надо было дожимать.

– Вы уж простите, что вынужден касаться вашей личной жизни, но поговаривают, что и вы испытывали к госпоже Гольшшевой больше чем симпатию.

Севрук взбеленился, все показное спокойствие как ветром сдуло.

– Это что, допрос? Это допрос? Тогда официально, только официально. Вызывайте повесткой в качестве свидетеля, объявите статус подозреваемого, арестуйте по ордеру... Вы с юристом дело имеете, не надо забывать. Я с вами беседы задушевные вести не намерен и о своей личной жизни говорить не собираюсь... Все!

– Простите, Роман Григорьевич, – глупо. Как профессионал профессионалу – глупо! До ваших истинных отношений с Гольшшевой мы все равно докопаемся. Но вы же понимаете: чем шире будет круг лиц, опрошенных по этому поводу, тем меньше у вас шансов скрыть правду и больше – навлечь подозрения. Ну а если нет темы – зачем вы нам работу усложняете? Убили-то не врага вашего, не постороннего человека...

Севрук молчал, зло уставившись в пол. Молчал и Паша. Пауза затягивалась. Он чувствовал, что клиент зреет и вот-вот начнет колотиться. Тут интуиция его никогда не обманывала. Другое дело – лапша на уши или чистосердечно...

Наконец Севрук поднял глаза. Они «читались» как крупные субтитры: досада и боль.

– Ладно, не мучайтесь и не теряйте времени. Я любил ее. И все у нас было. Началось почти сразу, как стал здесь работать. Два с лишним года. Думал разводиться, из-за ребенка не решался. И вдруг, в прошлом году, случайно застал. Вечером в офисе. По полной программе. С того дня с ней не общались. Только по делу. С ним – только по делу. Спокойно, нейтрально. Ничего не обсуждали, никаких объяснений. Ни с ней, ни с ним. Никого не виню, зла не держу – уже... Разумеется, я не убивал, киллера не нанимал, член не отрезал, язык не вырывал, и вообще – прижег в себе это мерзкое предательство, как рану раскаленной железкой. Кстати, не вздумайте допрашивать мою жену. Аллу – ваше дело, но жену не трогайте. Надеюсь на вашу порядочность. Она не знала и, как мне кажется, не догадывалась. «Доброжелателей», как ни странно, не нашлось. Редкий случай. А может, и жаль, что не нашлось. Тогда бы не дошло до этой сцены, этой гадости, этой...

«Парень явно не сочиняет, – решил Паша. – Соврал только про каленое железо: видать, не шибко помогло. Саднит и кровотоцит...»

Со дня убийства прошла неделя. Утром 7 июля Олег Олегович Дымков складывал старый дорожный чемоданчик «Самсонайт» – один из немногих дорожных, фирменных аксессуаров, какими располагал в быту – точнее, позволял себе располагать. Да и тот подарили коллеги на 50-летие, в складчину, что дало ему повод на банкете – хоть и многолюдном, но со скромным меню, – то и дело, шутя, обыгрывать символику подарка: мол, вот вам, Олег Олегович, фирменный чемоданчик, собирайте, мол, манатки и катитесь скорее на пенсию, уступите дорогу молодым.

Дымков и впрямь решил: пора. Он взял неделю отпуска, чтобы спокойно все в Москве еще раз обговорить, дать отмашку.

За последние дни он как мог пытался успокоиться, взять себя в руки. Он заставлял себя не думать **о том звонке на мобильный**, о том животном страхе, который пришлось пережить. Он изо всех душевных сил гнал прочь мысли о возможных последствиях, вообще о Миклухе. Он заставлял себя не строить фантастические версии, изнуря интеллект и надрывая психику.

Все равно достоверно ничего не узнать, от судьбы не уйдешь, случится то, что случится.

Надо верить в лучшее!

Лишь бы судьба вывела к поставленной цели. Лишь бы сбылось, состоялось!

Надо верить в лучшее!

Только бы поскорее с Лерочкой в самолет и туда, где «покой и воля», – правильное, справедливое прибежище человека на склоне лет.

В Москве он, как всегда, не стал останавливаться у Владика – ни в городской его квартире, ни тем более в хоромах на Рублевке. «Исключить дурацкие случайности». Не хватало еще под занавес засветиться.

Заранее забронировал номер в «Звездной». Скромный, стандартный, недорогой, как обычно.

К вечеру Владик прислал машину. Это нормально: встреча старых приятелей, однокурсников-заочников юрфака МГУ. Сидя в дорогом ресторане «Ваниль» за отдельным, в сторонку сдвинутым столиком, и выпив по третьей, они стали, как всегда, вспоминать юность, однокурсников, общих девушек, немного прошлись по высшей власти, коснулись любимой темы «куда Россия катится?». Потом Дымков изложил свои планы, мол, пора, потом получил от Владика заверения, что «там все в ажуре, письмо-приглашение будет за неделю, налик у тебя забираю – сразу переведу из своих в офшор на остров Мэн, оттуда резидент по твоей команде – в «Райффайзен», мой человек тебе поможет юридически». Дымков осторожно и мягко переспросил: «Так все на Мэне на одном счете будет?» – «Ну я ж тебе сказал, чего одно и то же спрашиваешь? Хочешь, завтра все бумаги с реквизитами бери и...»

– Нет, нет, Владя, как договорились, перед самым отъездом. Я тебе так благодарен, дружище!

– Ну кончай, судья, сколько можно! Я же просил без этих сантиментов. Вот в гости приеду в Альпы твои, напоишь...

– Но как!.. – с выражением изрек Дымков, поднимая рюмку.

Он улыбался, но не было покоя на сердце и в мыслях Дымкова. И быть не могло. Может, зря он Владьке ничего не рассказывает? О звонке, о том, что пережил... Нет, нет, дал же себе слово: никому. Ни Владьке, ни Грине – ни-ко-му! Надо самому пережить это, избыть, отторгнуть, избавиться...

– Ну давай же, наконец! Это же пытка. Или уходи. Отодвинься, оденься и уходи. Давай не сегодня... Нет, нет, подожди, ну хорошо, я обещаю, обещаю... Боже!

Прикосновение...

Гольшева Алла Осиповна сидела в кресле напротив рабочего стола следователя. И – тот самый случай! – не вызвала у Марьяны Залесской серьезного интереса. Марьяна понимала, что такое эмоциональное предубеждение в отношении подозреваемого категорически порочно и непродуктивно. Но с нею часто подобное бывало: надо выспрашивать, проникать в мозги, ловить на слове, составлять психологический портрет – а неохота! Вот отторжение какое-то! Вот ни на йоту не верится, что эта женщина имеет отношение к убийству и вообще к каким-либо преступлениям. Вдохновения нет, но работать надо. Добывать косвенные улики, строить

догадки, надеяться на ассоциации. Тем более, что о ее романах с Севруком и Миклачевым Паша поведал – в объеме добытой им информации. Вполне, впрочем, скудной.

Марьяне вдруг захотелось с места в карьер задать совершенно невозможный, наивный, глупый, бессмысленный (в отсутствии детектора лжи) вопрос и прекратить на этом беседу. Или, наоборот, затеять. И она не удержалась...

– Алла Осиповна, простите меня, но я спрошу напрямик: не вы ли убили Миклачева Анатолия Зотовича?

Гольшева, проявлявшая некие признаки волнения, вдруг застыла, замерла, словно подчинившись команде гипнотизера, и уставилась на Марьяну немигающим взглядом. В нем смешались недоумение, возмущение и ужас. Так она сидела с минуту, не шелохнувшись, приоткрыв рот. Потом опомнилась, ожила и неожиданно четко, внятно и невозмутимо ответила:

– В переносном смысле – возможно.

– Почему вы это допускаете? – в тон ее невозмутимости поинтересовалась Залеская.

– Я отнимала у кого-то счастье. И этот кто-то убил не меня, а его. Я так думаю.

– А вы были счастливы с ним?

– Да, очень.

– А с Романом Севруком, которого вы оставили ради Миклачева?

– Рома хороший. Он добрый и ласковый, любит меня несомненно. Я ему два года была верна. Ну, почти верна. Так, случайности... Именно поэтому я не хотела врать, хотела признаться ему, что у меня всерьез другой. Но не успела. Он застал нас. Он повел себе благородно, по-мужски. Не стал устраивать истерик. Просто переломил себя внутренне и продолжил общаться как коллега. Это не просто. Я попыталась смягчить, объяснила, покаялась – искренне. Я благодарна ему.

– Спасибо, что откровенны со мной. Коли уж начали, можно и дальше так... по-простому, по-бабски, без протокола?

– Валяйте.

– Я Марьяна, вы Алла – идет?

– Ага...

– Давай и я тебе кое в чем признаюсь... Мы почти ровесницы с тобою. У меня мужики тоже, как ты понимаешь, были, хотя внешне куда мне до тебя! Даже пара относительно удачных попала. Но я одна, и ни хрена не сложилось. Именно потому и не сложилось, что часто бывало хорошо, но никогда не ощущала, что по-настоящему счастлива с мужчиной. Не сиюминутно, а вообще, в принципе, по душевному ощущению будущей жизни с этим вот конкретным человеком. Ты меня понимаешь?

Все, Гольшева Алла Осиповна стала идеальной свидетельницей. Подловато, конечно, но Марьяна делала свою работу. Превратить свидетеля в приятеля или подругу входило, как она считала, в круг ее обязанностей, в набор профессиональных приемов.

– Чего ж тут не понимать? Это называется любовь, если я ничего не путаю, – улыбнулась Гольшева.

– Ты любила его?

– Категорически нет. Нет, нет и нет! Но я была счастлива невероятно, когда он делал это со мной. Была сумасшедшая похоть. Было желание отдаваться ему бесконечно, постоянно, всегда, везде.

– Такое впервые?

– В том-то и дело, что да. Хотя до него классные мужики попадались.

– Вот оно что! Так он был супер!

– Он был невероятен, Марьяна. Невероятен. Он был небывало искусен и непередаваемо, просто непередаваемо нежен. И сказать, что он не торопился, как большинство самцов, – ничего не сказать!

Марьяна почувствовала, что здорово завелась. Кровь прилила к щекам и туда.

– Что, закипела? – не без легкого злорадства поинтересовалась Гольшева, лицо которой тоже мгновенно покрылось краской, глаза увлажнились и руки заметно задрожали. Потом она вдруг приоткрыла рот, чуть приподняла голову, обхватила ладонями и резко обрушила ее на колени в пароксизме истерического рыдания.

Десять минут ушло на то, чтобы успокоить ее и самой прийти в себя. «Ну и допросик выдался! Такой впервые! А ты туда же со своей интуицией, кобыла ленивая, – мысленно отметила про себя Марьяна. – Но зато какая подвижка, сразу многое проясняется! Неужели вариант «Империи чувств»?

Гольшева окончательно пришла в себя. Припудрилась, подкрасила ресницы, подправила макияж. Марьяна терпеливо ждала, не произнося ни слова.

– Мы расстались три месяца назад. Он ушел очень мягко, интеллигентно. Сказал, что неодолимо полюбил другую женщину, не хочет лгать. Но сказал, что со мной ему было фантастически хорошо и, если я хочу, мы можем видеться иногда. Я чуть с ума не сошла от бабской уязвленности, я орала, а он был мягок и печален. В конце концов, он подкупил меня предложением встречаться иногда. Я себя этим смирила. Если бы не надежда время от времени быть с ним, наверно, я бы сделала что-то похожее на то, что случилось. Нет, вру, конечно... Просто бы убила, бесхитростно. Ладно, не слушай меня, болтаю ерунду.

– Скажи... это очень важно... он, по-твоему, просто ходок, просто азартный охотник за бабами или эротоман, свихнутый на этом деле, или психически больной? Проще говоря: он банальный е-рь или?..

Алла Осиповна на секунду задумалась.

– То, что эротоман, охотник, сдвинутый на бабах, – пожалуй, да. Но не это в нем главное, не это стержень. Он далеко не примитивен. Я же говорила: он изыскан и изобретателен, причем, как мне кажется, не по книжкам, не по «Камасутре» какой-нибудь. Он не клюнет... не клевал на первую встречную. Я не раз замечала, насколько безразлично он проходил мимо красоток с формами секс-бомб. Ему было нужно что-то другое. И он это другое словно бы найти не мог, но присматривал.

– И в тебе не нашел?

– Стало быть, нет, если бросил.

– О чем же может идти речь?

– Я не знаю, Марьяна. Не знаю. И какое теперь это имеет значение?!

«Вполне возможно, что решающее», – подумала про себя Залесская и попрощалась.

Проводив Гольшеву, Марьяна отчетливо поняла, чего она хочет. Да, да, конечно, она живая и нормальная женщина, поэтому откровения Аллы завели ее не на шутку, и **это** состояние не отпускало, не давало сосредоточиться. Однако каким-то странным образом оно сосуществовало с другим, имеющим прямое отношение к следствию. Она знала такое в себе, ей знаком был этот лихорадящий азарт поиска разгадки. Марьяна позвонила Кудрину, попросила две минуты и метнулась на третий этаж, по ходу формулируя мотивы просьбы, если еще не поздно.

Прикосновение. Настойчивое, властное, непрекаемое. Движение пальца вглубь – на миг, будто случайно. И вновь едва осязаемый контакт – нежность. Вскрикнула, рефлексивно сжала кисть его руки со всею силой, на какую способна была ее рука. Стоп, просьба, мольба: «Ну пожалуйста... ну...»

– Андрей Иванович, вы уже говорили с этой Салаховой – как ее?..

– ...Анна Саидовна... Вызвал на сегодня, как раз через час должна явиться. Точнее – не вызвал, попросил...

– Вот и у меня к вам просьба: отдайте ее мне.

– Да бога ради – приходите, вместе ее порасспрашиваем.

– Нет, Андрей Иванович, я должна... вернее – хочу наедине. По-женски с ней поговорить, как только что с Голышевой.

– Результаты?

– Точнее – первые представления о важных для следствия манерах, способах и особенностях его поведения с женщинами.

– Понял. Вы хотите сказать, что...

– Да, при вас ничего подобного узнать невозможно. Простите, Андрей Иванович, но...

– Все ясно. Никаких возражений. Если женские секреты приведут к разгадке мужских...

– Не исключено. Так вы уступаете?

– Ждите ее у себя... – Он поглядел на часы... – в 16.10, если не опоздает. Но завтра с утра на доклад. И уж придется без недомолвок, Марьяна Юрьевна.

– Уверены, что я вас не смущу? – Она устремила на него взгляд, неизменно направленный слегка поверх головы собеседника, куда-то в стену или вдаль. Взгляд был лукаво насмешливый и немного вызывающий.

– Я возьму себя в руки, – подчеркнуто серьезным тоном пообещал Кудрин, и они оба рассмеялись.

Нет, не получалось избавиться от кошмара! В самолете он вновь ощутил страх и тянущую боль в сердце – он знал точно, что это на нервной почве. А что, если попросить Грину, но ничего ему не рассказывать? Да, так можно, так надо!

Вернувшись в Славянск, Олег Олегович перво-наперво позвонил по условленному давным-давно телефону. Услышав старушечий голос, произнес контрольную фразу: «Простите, мадам, номером ошибся». И тотчас положил трубку. Это означало, что он просил встречи у Грини. Они не виделись года два. Олег Олегович хотел обратиться с последней просьбой. Просьб этих всего-то было три-четыре за все время знакомства. Остальное – так, по мелочам, информация. Но на сей раз...

ЭТОТ ЗВОНОК НА МОБИЛЬНЫЙ С ТОГО СВЕТА...

Салахова Анна Саидовна не опоздала. Была она грустна, спокойна и хороша красотой метиски, когда, вопреки известному пророчеству Киплинга, сошлись-таки вместе Запад и Восток: раскосые зеленые глаза, длинные ресницы, тонкие черные дуги бровей и изящный, чуть вздернутый носик, славянский овал лица и натурально-рыжеватые, слегка выющиеся волосы, волной ниспадающие на плечи и... голливудская плакатная грудь «а-ля Мерлин», – впрочем, достоинство вполне интернациональное.

Марьяна еще раз убедилась, что покойный ловелас Миклачев искал не только внешнего совершенства партнерши, но и разнообразия типов женской красоты.

На этот раз она решила не прибегать к шоковой терапии, огорошивая лобовым вопросом. Но не удержалась...

– Анна Саидовна, вы любили Анатолия Зотовича?

– Да, конечно... наверно...

– А он вас?

– Наверно... – Ее интонации выдавали плохо скрываемое безучастие или одолевшую апатию. – Я готова была жить с ним, выйти замуж. Он был... внимателен, ласков, говорил о нашем будущем, я верила, я хотела...

– Простите, я вынуждена задавать не всегда деликатные вопросы. Как быстро вы сблизились после первой встречи?

– Ничего не было почти месяц. Он говорил красиво, ухаживал красиво, рестораны, загородные прогулки под луной. Но я не могла преодолеть... У меня, кроме мужа, никого не было прежде. Ну, если не считать одной девичьей глупости. Мама воспитала меня в восточных традициях. И отец, пока был жив... Опыт замужества в этом смысле ничего не менял. Это внутреннее, сильное табу. Я дала понять, и он не настаивал.

– А когда вы преодолели табу – что тогда?

– Что? – Роскошные глаза Салаховой загорелись тусклым, рассеянным светом, руки стали нервно тереть сумочку из дорогой кожи, она безотчетно сменила положение безупречно стройных ног, потом вернулась в прежнюю позу. – Ничего, все как обычно, нормально. А что вы хотите услышать?

– Анна Саидовна, способ убийства вашего знакомого вынуждает нас подозревать, что здесь замешана женщина. Вас я не имею в виду, у вас абсолютное алиби. Но вы должны нам помочь. Мы ищем убийцу. Для этого необходимо понять мотив, по которому совершена столь изуверская, экзотическая, хладнокровная расправа. Пожалуйста, расскажите мне искренно, по секрету, как женщина женщине, каким он был любовником, как вел себя, что было особенного в его сексуальности.

Она как бы померкла на глазах, съежилась, закрыла лицо руками и заплакала. В отличие от более экспансивной Гольшевой она рыдала тихо, но эти всхлипы выдавали страдание не менее глубокое, чем у ее предшественницы.

Марьяна не пыталась ее утешить, сидела молча, ждала. Наконец Салахова успокоилась.

– Я любила мужа, но... ничего не чувствовала, понимаете. Почти ничего. Не могу сказать, что мне было плохо с ним. Нет, приятно, но... не более того. Вы женщина, вы поймете. Я просто не знала, что такое приближение оргазма и сам оргазм, какое это переживание, какая вспышка, какой... взлет. Тимур это понимал, мы оба понимали. Он что-то пытался, я тоже, я старалась ни о чем не думать, но ничего... ничего – понимаете? Дочь родилась, жили мирно, хотя небогато, он инженер-технолог на заводе. Я иногда думала о любовнике, понимала, что только помани, я ведь не уродина. Столько мужчин заглядывалось... Но не могла себе позволить, я уже объясняла... Ну и вот, когда у него появилась другая, он сказал мне все. Он не хотел отдавать машину, а я очень привыкла, она словно что-то заменяла мне в жизни, восполняла. Появился Толя, стал помогать. А через месяц знакомства и ухаживаний я сдалась. Я его не то чтобы полюбила. Именно захотела. Я мечтала, что именно с ним... И тогда...

Она снова была на грани, навернулись слезы, но Марьяна мягко и сочувственно прошептала «Анна Саидовна, не надо, пожалуйста», и это подействовало. Салахова быстро взяла себя в руки и продолжила:

– ...Тогда это случилось. У него дома. Он делал со мной такое, о чем я только читала или смотрела украдкой от мужа или слышала от подруг. Я ведь много читала всякого, я филолог все-таки. Но это было даже больше. Я не подозревала, что так можно чувствовать, такое можно пережить. Он меня переселил в другую реальность. В космос, в невесомость... Я испытала это впервые и так сильно, что потеряла сознание. Он приводил меня в чувство. Это нельзя передать.

– И вы при этом не можете сказать с уверенностью, любили его или нет? – удивилась Марьяна.

– Да, не могу. Как ответить, любишь ли ты наркотик, если подсел на него? Была сумасшедшая тяга испытать это еще, еще... Он стал курьером, доставляющим невероятное удовольствие. Секс с ним превратился в подобие дозы. Я любила его как человека, приносившего бесплатную дозу и ничего взамен не хотевшего, кроме моего тела, понимаете? Я совершенно теряла над собой контроль и наносила ему травмы. Я раздирала ему кожу на спине в кровь и

ничего не могла с собой поделаться. Он не протестовал. Ему это нравилось, я чувствовала. И так два месяца, по два примерно раза в неделю. И каждый раз – до обморока, до состояния, когда кажется, что ты сейчас умрешь или убьешь. А потом...

– Что?..

– Как вам объяснить? Он изменился. За две-три встречи превратился в другого любовника. Все то, что предвещало оргазм и само по себе доставляло жуткую радость и невыносимо сладкую муку, – все прекратилось. Он стал примитивен и прост, почти как бывший муж. Он стал грубей, поспешней, резче. Я не успевала за ним. Я только подходила к границе, за которой все это чудо и безумие начиналось, а он уже... ему уже ничего не надо было. Когда я пыталась объяснить, он удивлялся. Или делал вид, что удивляется. Потом стал раздражаться. А потом... потом его убили. Вот и все.

Марьяна выслушала, как ей показалось, банальнейшую фабулу короткой любовной связи между завзятым, прожженным ловеласом, циничным городским Казановой и якобы фригидной дурочкой-красоточкой. Соблазнил, потешился, надоела, бросил. Встретила, заинтересовалась, ворвалась в мир большого секса и... бросили ее.

Но почему с Голышевой он прощался так деликатно, мягко, необходимо, а здесь, где его самолюбие самца, соблазнителя, казалось бы, должно по полной программе торжествовать и тешиться, он словно бы «сворачивает» связь, сперва умышленно отказываясь от ласк, а потом – бестактно, безоглядно, мужиковато?

Раб настроения? Каприз пресытившегося охотника за женщинами? Новое увлечение?

Он сознательно и резко превратил секс с партнершей в нечто механистическое, как бы изгнал из него то искусство, которым владел и пользовался для совместного восхождения к апофеозу.

Следователь-аналитик Марьяна Залеская сама до конца не отдавала себе отчет, зачем так явно и заинтересованно «залезает в постель» к Миклачеву и его барышням. Она даже попыталась поймать себя на грешном и постыдном женско-обывательском интересе к подробностям интимной жизни других людей. И не могла не признаться себе, что эти подробности ее волновали. Но она трезво относилась это к нормальному проявлению женской сексуальности, каковой не была лишена, несмотря на небогатый опыт и отсутствие классических внешних признаков.

Нет, нечто иное, вполне прагматичное, диктовало ей вопросы и подогревало интерес. Это нечто имело прямое отношение к личности убитого. Марьяна решила отталкиваться от доминанты характера и, соответственно, от версии, которую, несмотря на омерзительные детали преступления, она для себя сформулировала вполне поэтично и даже романтично: «любовь и смерть». Надо отработать эту «поэму» до конца, а уж если упруешься в тупик – искать иные поводы и мотивы.

Сволочь! Сволочь! Мразь! Садист! Нет, пожалуйста, не уходи, ну пожалуйста... Гадина, сука, тварь ты поганая, тварь... Ну все, все, прости, я согласна, делай что хочешь, прости, иди ко мне, иди ко мне, я очень прошу тебя, очень прошу...

«Белокурая бестия» Паша Суздаев методично реализовывал все, что наметил.

Мать убитого Миклачева помочь не смогла. Горе сильно надломило эту пожилую и без того несчастную женщину, потерявшую мужа, а при его жизни все последние годы терпевшую пьяные выходки и побои отставного мента. Она беспрерывно плакала, твердила одно и то же, какой был хороший мальчик, и все предположения относительно небезупречного образа жизни сына отметала в принципе: «Да что вы! Толенька – он...» Дальше шли эмоции слепо любящей и ослепленной горем матери. Самое безнадежное заключалось в том, что, судя по ее репликам, он вообще не делился с ней никакими подробностями личной или профессиональной жизни,

а уж интимной – тем более. «Хороший мальчик» позванивал, изредка забегал, подбрасывал денюжат – все. Кстати, по нынешним временам это уже немало, но для следствия – увы! – нужно нечто более обстоятельное.

Паша не стал даже касаться наиболее пикантной детали преступления, понимая всю бестактность разговора об этом с матерью покойного. Единственное, что смог он извлечь для себя полезного, – фраза женщины из ее горестных воспоминаний о «прекрасном мальчике, Толеньке моем»: «Он еще с детства, сыночек мой, честный был, никогда слово не нарушал, и такой целеустремленный – если надо было добиться чего, то обязательно шел до конца».

Это совпадало с отзывами двух одноклассников козловской школы, с которыми уже успел переговорить Паша, и привносило четкую, не подлежащую сомнению характеристику. Могло пригодиться.

С судимостью было куда интереснее.

Внимательно изучив дело в архиве Козловского горсуда, Паша пришел к выводу, что этот Миклачев был либо совестливый, искренний человек, либо холодный, талантливый психолог и позер. Непреднамеренно задавил пожилую женщину, а по стенограмме последнего слова каялся так, словно только тем и занимался, что старушек, как Раскольников, глушил, да вот, к Богу пришел, жизнью искупить готов. Бил на жалость судьи? Похоже. А судья – то, кстати, ни много ни мало сам Дымков, который давно уже в Славянске работает и слывет суровым и неподкупным. Его редкая по нынешним временам репутация Паше была известна хорошо еще и потому, что бандит и насильник Подушкин, изловленный и жестко взятый лично Пашей летом 2007 года на квартире у любовницы, получил от Дымкова, несмотря на слабоватую, честно говоря, доказательную базу и мощные усилия защиты, 20 лет строгача, на год больше, чем просил прокурор. Паша участвовал в процессе, и на паре других побывал, где Дымков вершил правосудие. Такого разжалобить или провести крайне трудно. Тем не менее срок условный, штраф огромный, но деньги – дело наживное, а вот годы в колонии не вернешь.

То ли в те времена Дымков еще не стал таким принципиальным и жестким, то ли... купился на раскаяние парня.

Нет, конечно, можно допустить, что Миклачев и впрямь терзался, аки грешник библейский. Но с законностью приговора не все так очевидно, тем более что и обжаловать его дочь убитой не стала. Что-то не то... Купился ли Дымков, а может, все же купили?

Паша вдруг осознал, что профессиональная судьба Миклачева как юриста могла не раз пересекаться с «подопечными» Дымкова. Он немедленно отправился в архив Левобережного суда, одного из четырех райсудов Славянска. Предъявив удостоверение, был препровожден в пыльное помещение со стеллажами, на которых краска облупилась еще при советской власти. Обнаружив там «послужной список» судьи в виде пяти сотен с лишним дел объемом примерно в три тысячи томов, обозвал себя кретином и по мобильному вызвонил секретаря теперь уже бывшей миклачевской конторы Елену. Разумеется, архив адвокатской фирмы в порядке, выписки из всех дел, что вел Анатолий Зотович, систематизированы, но... черт побери, конторе-то всего три года с хвостиком. Так что Леночка с забавной фамилией Тутышкина могла предложить лишь часть искомым документов. Кстати, с этой Леночкой тоже надо безотлагательно поговорить – за короткой юбкой, демонстрирующей симпатичные ножки, Миклачев вполне мог увиваться.

Выругавшись про себя крепенько, Паша начал просмотр протоколов за 2003 – 2007 годы. По счастью, имя адвоката значилось в одном и том же пункте на первой странице. Это существенно сократило время поиска. Он обнаружил и отложил двадцать три дела, которые сводили в зале заседаний Дымкова и Миклачева.

Суздаев не слишком-то отдавал себе отчет, на кой ляд он делает эту работу, если не движет им ничто, кроме легкого недоумения по поводу одного-единственного давнего приго-

вора. Впрочем, он и не собирался копаться в этих талмудах. Он бегло, наискосок читал обвинительные заключения прокурора в поисках аналога, пусть не полного. И нашел.

В феврале 2005 года Миклачев защищал некоего Лопатникова, 24 лет от роду, то есть почти ровесника Миклачева на момент судебного процесса над незадачливым водилой. Этот Лопатников совершил **причинение смерти по неосторожности**. Погибла теща. Способ и орудие преступления были поистине уникальны. В пьяном гневном кураже, будучи у себя в квартире, он обозвал тещу нецензурно и вышел из кухни. Теща вслед послала ему пару ласковых и захлопнула за ним дверь. И тогда Лопатников в гневном распахнул эту дверь ударом ноги, со всей дури. И так он ее умудрился распахнуть, что металлическая ручка угодила аккумулятор в висок теще, которая именно в этот момент нагнулась, чтобы поднять слетевшую с двери декоративную подковку. А слетела она после громкого ухода Лопатникова. Висела на счастье – принесла гибель: вот же ирония судьбы!

Лопатников молодой был мужик, семейный. Положительные характеристики из банка, куда устроился водителем после армии. Из военной части, где шоферил, – панегирики. Жена на четвертом месяце. И что? Дымков впаил ему за **причинение смерти по неосторожности** два вполне реальных года общего режима. Даже не колония-поселение. Это что? Похоже, критерии размыты. То ли закон, то ли симпатии личные, то ли...

Паша вспомнил любимую поговорку своего бывшего коллеги, опера Димки Зуйко: «Не берет только архангел Гавриил». Когда уточняли, почему именно Гавриил, Димка тягостно вздыхал и констатировал: «Не предлагали!».

Полистав еще пару часов протоколы, Паша решил плюнуть, осознав бесплодность этого занятия.

В тот день, когда Паша глотал пыль в архиве, дверь на девятом, последнем этаже квартиры № 35 дома № 14 по ул. Енисейской была вскрыта отмычкой бесшумно и филигранно. Толя Маков по кличке Щелчок по-другому и не работал: практика, стаж, опыт. Братан Мишаня Маков по кличке Рупь стремал одним лестничным пролетом ниже, чтобы видеть и Толика, и площадку восьмого этажа – на всякий случай. Когда Щелчок дверку открыл, Мишаня в три мягких прыжка взлетел по пролету и прошмыгнул вслед за братом, прикрыв за собой тихонечко.

Навел Панин, свой участковый по этому району. Работали уже в четвертый раз совместно. Панин долей оставался доволен. Откуда чего узнавал – не их было дело. Их дело – зайти и взять, но только бабки и цапки. И ничего другого. Щелчок и Рупь после второй отсидки стали домушниками мудрыми и не жадными. Усекли – усвоили: барахло не берешь – дольше на свободе гуляешь. Панин шепнул: баба упакованная, одна, днем на работе всегда, приходит поздно. При обходе приметил два замочка, оба хилые – по его разумению. Другой охраны нет. Сказал: лично отследит уход, по телефону скомандует.

Так и было, утром звякнул.

Вошли спокойно: заперт был только один нижний замок, совсем плевый. Щелчок миновал прихожую и застекленную дверь гостиной распахнул. И остолбенел. Так же, из-за спины глянув, застыл Мишаня. Посреди комнаты, вся в кровище, лежала красивая баба в распахнутом халате. Ясно – хозяйка. Обоих одна мысль резанула, чуть опомнились: подстава. «Панин, сука...»

Щелчок шепнул сдавленно, хрипло: «Ноги делаем!» Они попятнулись, не в силах оторвать взгляда от женщины, которой здесь не должно было быть, – живой, а тем более мертвой. Тихо вышли из квартиры, озираясь, дверь входную Мишаня прикрыл, но прихлопывать не стал – лишний звук. На два этажа спустились, с трудом себя заставляя не бежать, а потом уж не выдержали. Опомнились в двух кварталах от дома. Дворами, с нервной оглядкой, прошмыг-

нули на центральную улицу Гагарина, где Мишаня оставил «жигуль». Сели, дали по газам, ехали молча, ошалевшие. У дома, где квартировали, остановились.

– Ушли вроде, – сказал Щелчок, закуривая. Руки его, всегда уверенные и твердые, подрагивали.

– Сфотографировать нас могли, – предположил Рупь, тоже закурив. – Лошары мы. Глазки дверные у соседей не залепили. Оборзели.

– Если Панин, сука, подставил, то могли и через глазки, – как еще-то? Но это вряд ли. Ему запахло. Да и себя же закопал бы. Чего-то не то. Мне сдается, братуха, что фишка легла как-то не так. Не пофартило нам в натуре, и ему тоже. Чего-то не срослось. Но если до вечера этот мент не позвонит – рвем когти.

Щелчок оказался прав лишь отчасти.

Вечером Панин позвонил, сказал условное слово, которое означало место встречи. Братья решили рискнуть, но провериться хорошенько, все окрест обнюхать. Пришли к выводу, что чисто, засады нет. На всякий случай Мишаня схоронился в беседке во дворе соседнего дома, откуда хоть как-то видно было, а к Панину на скамеечку подсел один Щелчок, старший из погодков, считавший себя ответственным за судьбу младшенького.

Панин услышал, как было дело, и ох-л. Щелчка не проведешь, так мент Ваньку не валял бы.

Панин перебздел по полной. Поклялся, что рано утром, часов в восемь лично пронаблюдал, как она вышла из дома и отправилась в сторону автобусной остановки. «Видно, вернулась, не мог же я там весь день ошиваться, вас дожидаясь! Вот невезуха, ну и дела!»

Панин соврал.

В 7.15 он и впрямь пришел в штатском и выбрал точку для наблюдения – за углом трансформаторной будки метрах в ста пятидесяти от подъезда. Зрение орлиное, но ее не заметил. Выходили разные, всех в лицо знал, третий год на участке. Только один незнакомый был, высокий такой, лет тридцати пяти, с инструментальной сумкой на плече. Аккурат мимо прошел, к проходному двору в соседний переулок. Еще оглянулся пару раз, словно искал кого-то глазами.

Двор насквозь просматривался. Панинские «бинокли» разглядели даже, как этот слесарь или автомеханик (странный какой-то!) открыл водительскую дверцу белых «жигулей», «копейку» лохматого года выпуска, сел и по газам. Профессиональная память запечатлела цифры номера – 638. А почему запомнил: телефон в его, панинской квартире начинался именно с этих цифр. А вот буквы и серию не зафиксировал, переключил внимание.

Он продолжил наблюдение за подъездом. Но хозяйка до восьми пятнадцати не появилась. А дальше не мог: совещание в управе, опоздаешь – яйца оторвут. Положился на авось.

А Щелчок ошибся в главном. Их сфотографировали. «Снимок» хоть и смутный, слеповатый, как она сама, «сделала», глянув в дверной глазок в самый для них неподходящий момент, соседка из 36-й квартиры, бабуля Настя. Поскольку на улицу уже не выходила, только по квартире с ходунками, глазок дверной панорамный да еще телевизор цветной и балкон были единственными окошками во все еще интересный мир для инвалида первой группы, ветерана органов исполнения наказаний, старой стукачки Анастасии Ивановны Крынкиной. В это «окошко», напоминавшее те, привычные, на дверях камеры, бывшая надзирательница поглядывала по обыкновению раз по десять на дню, на шумок или просто на удачу, и порой не зря. Вот и сегодня сразу два «кадра» углядела. С утра к соседке тот мужчина звонил, что давненько не заходил, а раньше чуть не каждый вечер. Открыла она ему. А потом, часа через три, двое каких-то мужчин быстро от двери ее отходили и вниз по лестнице... И чего это Алла-то днем не на работе, как обычно? Приболела, что ли? И мужики повадились...

К соседке старушка относилась неплохо, та ей иногда помогала – хлебушек, то да се. Но все равно считала ее шлюхой, как и всех окружавших ее по жизни товарок и коллег.

Но Алла Осиповна Голышева не была шлюхой. А в тот момент, когда баба Настя углядела в «окошко» двух мужчин, Алла Осиповна была просто обыкновенной мертвой женщиной.

Палец медленно заскользил по животу и вверх, под грудь. Остановился, будто в нерешительности. Выше, медленно, под сосок. Вот сейчас...

– ...Пожалуйста!

Он опять уходит вниз, к животу. Замер, словно спрятался, в ложбинке пупка.

– ...Ну, что же?!

– ...Не сейчас.

Все, время пришло. Олег Олегович получил из Вены тайно ожидавшееся письмо. Радость-то какая! Двоюродный дядя восьмидесяти трех лет, довоенный еще эмигрант, на склоне дней, тоскуя в одиночестве, нашел-таки племянника и зовет погостить с супругой. Брата своего Олега Васильевича помнит с детства, только не искал его, думал – на войне погиб или в лагерях сгинул. А на пороге вечности решил-таки обратиться в Красный Крест, там помогли племянника отыскать.

Письмо на немецком, с переводом приложенным, со слезой, с точным адресом – все как с Владиком обговаривали еще три года назад, а недавно в Москве подтвердили. Владик с его размахом и крутизной, с его ветвистыми связями не понимал, зачем эти сложности с письмом, мнимым дядей и прочей хренью. Но Дымков настаивал, не желая вызывать лишних подозрений и догадок у тех, кто будет подписывать отпуск, а в последствии читать его документы на смену гражданства. Он намеревался письмо это не скрывать, начальству продемонстрировать. Впрочем, совсем без косых взглядов вряд ли обойдется. В России в чем-нибудь тайном и незаконном подозревают каждого второго. А людей на государственной службе – поголовно. Каждый каждого. Свой своего. И не зря.

Но Дымкову к тому моменту будет наплевать. Не в Интерпол же на него в розыск подадут! Ну поехал в гости и не вернулся... Через год-другой какой-нибудь проныра-журналист узнает, что бывший судья живет припеваючи в альпийском особняке. Эка невидаль! И кто чего докажет? И все же...

На весь процесс подготовки – оформление гостевой визы, покупку дома Владькиными людьми плюс проведение нескольких плановых процессов – Олег Олегович положил пять, от силы шесть месяцев. Максимум восемь. Предстояло главное: передать Владiku деньги. Извлечь и вручить поклажу его людям в назначенный день. Именно этот ключевой акт всей его жизни Дымков прокручивал в воображении чаще всего, и кошки на душе скребли, сколько себя ни уговаривал. А вдруг их по дороге случайно досмотрят? А вдруг авария случится? А вдруг... Все заверения и насмешки Владика, его неизменное «да все схвачено!» не спасали от холодного пота и учащенного сердцебиения при мысли о крахе. И еще один страх продолжал подспудно преследовать его. Казалось бы, все миновало, все тихо – нет, не отпуская звонок с того света. Жаль, Гриня уехал куда-то. Ничего, скоро встретимся.

11 июля в полдень в кабинете Кудрина, в присутствии Марьяны Залесской и, разумеется, самого шефа Паша Суздаев коротко доложил, а точнее, суммировал то, что они имели на этот момент.

А поимели они сразу столько, что всех троих огорошило и ввело в сильнейшее сомнение: то ли они за двадцать четыре часа раскроют оба убийства сотрудников фирмы «Миклачев, Лейкинд и партнеры», то ли погрязнут в этом деле на месяцы и упрутся в очередной «висяк».

– Голышеву сильно ударили по лицу два раза, сломали нос, выбили зубы. Потом третий удар в горло, под подбородок. Сильнейший удар профессионала. Смерть наступила мгновенно. Убийство случилось ночью или ранним утром 10 июля. Обнаружен был труп 10-го в

15.20 районным врачом поликлиники № 5 Дорошиной Верой Игоревной. Дорошина пришла по вызову соседки-старухи Крынкиной Анастасии Ивановны, инвалида первой группы. Во время осмотра Крынкина не только про свои болячки гундела, но и сетовала на соседку, принимающую сразу по три мужика в день. Дорошина на участке без малого четыре года. Знала Аллу Гольшеву как пациентку, к которой несколько раз приезжала по вызову на грипп и еще на какие-то хвори. Прониклась к ней симпатией. Бабке не поверила, конечно. Выйдя от нее и проходя мимо двери Голиковой, с удивлением обнаружила, что дверь приоткрыта. Позвонила, не откликнулись, вошла и, как любил говорить герой одного популярного телефильма, «картина маслом»: Гольшева мертва, лицо в крови, на полу кровь и выбитые зубы. Дорошина визуально определила, но пульс пощупала и сразу по мобильнику набрала милицию. Дальше самое интересное, но вы же все знаете...

– Продолжай, – настойчиво повелел Кудрин, поглядев на Марьяну и прочитав в ее глазах явное желание услышать обо всем еще раз.

– По заключению экспертизы, дверь либо открыла сама хозяйка, либо с замками поработала отмычка: уточним! – возобновил свой доклад Паша. – Позвонили в офис, застали Романа Севрука. Он один как раз и был нам известен из круга ее близких знакомых. Севрук приехал, выглядел ужасно, находился как бы в шоке и прострации. На просьбу определить на глаз, что пропало, ответил, что вроде все на месте. Заявил, что в последний раз выдел убитую 7 июля, вскоре после гибели Миклачева, в офисе фирмы, куда забегал за документами для очередного процесса. Перекинулись, по его словам, ничего не значащими фразами. Посокрушались... Никаких признаков тревоги в ее поведении не обнаружил. Параллельно приехавший со мной на место преступления младший инспектор-дознатель Аронов вел опрос соседки по лестничной клетке, той самой Крынкиной. Немедленно доложил мне о предварительных показаниях. По ее словам, примерно в десять утра в день убийства она видела в дверной глазок сперва одного мужчину, входившего к Гольшевой, а спустя несколько часов, примерно в 13.00, – еще двух, выходявших. Этих последних не разглядела, они быстро из поля зрения исчезли, а вот первого узнала сразу, он прежде очень часто навещался.

Здесь Паша сделал многозначительную паузу и, перейдя с языка доклада на повседневную речь, без ложной скромности позиционировал себя как сыщика, которому свойственны гениальные озарения.

– И вдруг у меня что-то сошлось, какой-то внутренний голос подсказал... Севрук-то еще не ушел, когда мне Аронов про эту бабку Крынкину докладывал. Я ему так вежливо: давайте, мол, выйдем, Роман Григорьевич, на лестничную клетку, покурим. Мне, мол, с вами тет-а-тет надо пообщаться, тут посторонних глаз и ушей много.

Выходим, я его так нежно под ручку, и к двери Крынкиной. И звоню. Он на меня уставился изумленно, но что-то уже почувствовал или догадался. Как-то сник еще больше. Бабка доковыляла, в глазок свой любимый посмотрела и открывает. И тут... – Паша торжествующе глянул в аудиторию – «Момент истины!» Она прямо с места в карьер и вякнула: «Вот он, голубчик, что к Аллочке-то приходил!»

Паша вкусил славы и продолжил докладывать «как положено».

– Роман Григорьевич Севрук был опознан свидетельницей как человек, входивший в квартиру убитой Гольшевой 9 июля примерно в десять утра. Подозреваемый задержан. Получена санкция прокурора на арест. При обыске в автомобиле Севрука на резиновом коврике у водительского кресла, в той его части, что у педали акселератора, обнаружено небольшое, с мелкую монетку величиной, смазанное и подсохшее пятнышко крови. По данным лаборатории, полученным вчера утром, группа крови с этого пятна совпадает с группой крови Гольшевой – вторая, резус отрицательный, а у самого Севрука первая, резус отрицательный. Туфли, в которых он вел машину, были при задержании на нем – так он утверждает. На правом ботинке эксперт обнаружил слабо различимый след крови. Группа и резус совпадают с теми, что у

Гольшевой. Первый короткий допрос арестованного, проведенный с его согласия без адвоката, показал, что Севрук не отрицает, что был в квартире и видел убитую. Но он утверждает, что дверь была открыта, а Гольшева – мертва, и он никакого отношения к преступлению не имеет. Подозреваемый получил в то утро, в 8.20, SMS-сообщение от Гольшевой с просьбой приехать. Текст был такой: «Приезжай, мне плохо». Перезвонил, но телефон не ответил. Приехал, дверь отперта, вошел, увидел, сразу понял, что мертва, испытал сильнейший шок, страшно испугался, что на него повесят убийство, и поспешно ушел, даже не подходя к трупу. Откуда кровь в машине и на башмаке – объяснить не может. Дверь закрыл на нижний замок ключом, оставшимся у него со времен их романа с Гольшевой. Зачем это сделал – не знает, скорее всего, как он полагает, безотчетно, в состоянии сильного аффекта. Далее... На изъятом у подозреваемого мобильном телефоне никакого SMS-сообщения от Гольшевой нет. Севрук утверждает, что автоматически стер его по привычке – мол, выработал такую привычку по соображениям конспирации – вдруг жена в мобильник полезет. Мобильный телефон Гольшевой при осмотре места происшествия не обнаружен вообще. Их телефоны обслуживают разные компании мобильной связи. У него – «Гудстар», у нее – «Калинка». Там утверждают, что SMS-ки не отслеживают, хотя могут, если поставить такую техническую задачу. В «Калинке» вызвались помочь, но нужна SIM-карта Гольшевой, а где ее взять? В результате получена санкция прокурора на арест на десять суток. Пока все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.